
Книга жизней
Вихри судьбы
Часть третья
Светлана Демешина

Светлана Демешина

Книга жизней. Вихри судьбы

https://litres.ru/74703329
SelfPub; 2026

Аннотация

Приключения главной героини продолжаются и кто знает, куда они могут привести её дальше

Содержание

2026 г. 5
Глава первая 6
Грибной чай. 6
Конец ознакомительного фрагмента. 112

Книга жизней. Вихри судьбы

Третья часть

2026 г.

Глава первая

Грибной чай.

Утро выдалось жарким, как никогда.

Я проснулась от шума. Открыла глаза и решила, что сплю.

Весь дом был перевёрнут. Все бегали и собирали вещи.

Папа выкрикнул на ходу: «Ну, наконец-то ты проснулась. Скорее одевайся, мы уезжаем. Бери всё, что для тебя ценно, мы больше сюда не вернёмся».

Я подскочила с кровати. После слов отца я очень быстро пришла в себя и выбежала во двор.

На улице стояли две машины. Одна — отца, вторая — «Нива» Дани. Багажники под завязку забиты вещами.

Василиса сидела под яблоней и ела свежее яблочко. Одна она никуда не спешила.

Я подбежала к ней.

— Василиса, ну хоть бы мне объяснила, что тут происходит. Вчера же ещё всё было нормально, и ни о каком отъезде речи не было.

Что могло произойти всего за одну ночь?

Василиса рассмеялась: «Деточка, ты проспала четыре дня.

За это время столько всего произошло.

Луна, беги собирай вещи. Через десять минут выезжаем».

Вдогонку Василиса добавила: «Я по дороге тебе всё расскажу».

Единственная для меня ценная вещь — это книга из Нижнего мира, подаренная псом.

Книгу я нашла на том же месте, где оставила перед сном.

«Четыре дня», — прошептала я тихо. Села на кровать и открыла книгу.

В книге появилось четыре страницы текста. «Видимо, каждый день появляется одна страница», — подумала я.

Нигде не было Дани с Мишей.

Я вернулась к Василисе.

— А где ребята? — с беспокойством спросила я Василису.

— Они на речке. С минуты на минуту должны вернуться.

Василиса оказалась права. Открылась калитка, и во двор вошли Данил с Мишей. С ними был ещё один незнакомый мне здоровый мужчина.

— Кто это? — спросила я Василису.

Она улыбнулась в ответ и спросила: — А ты не узнала?

Я внимательно присмотрелась.

— Иван! — воскликнула я и побежала здороваться.

Мы обнялись как старые добрые друзья.

У всех было приподнятое настроение.

Мы выехали со двора.

Я сидела в машине с Василисой и Иваном. Данил и Миша ехали в машине моих родителей.

Иван — за рулём. Я сидела рядом, а Василиса — сзади.

Я понимала, что не случайно оказалась в машине с Иваном.

Буквально через десять минут мои предположения подтвердились.

Иван посмотрел на меня и заговорил:

— Луна, ты очень изменилась с нашей последней встречи. За такое короткое время ты достигла невероятных результатов. Это просто поразительно. Я очень рад, что у тебя всё получилось. Что ты успела включиться в игру до того, как тебя привязали и подавили твою волю.

Измаил творит чудеса, не правда ли? — добавил Иван и подмигнул мне.

Василиса пробурчала сзади и посоветовала быть повнимательней на дороге.

Иван успокоил Василису и продолжил:

— Луна, я очень за тебя переживал. Те испытания, которые ты так стойко вынесла, не под силу человеку. Так считали многие, но ты доказала обратное.

Ты сумела выбраться из петли времени и встать на новый путь.

Невероятно, но факт.

Луна, это замечательный отрезок твоей жизни, но расслабляться ещё рано. Впереди тебя ждёт настоящая живая жизнь, полная чувств и эмоций, с которыми ты научилась справляться.

Ведь главное — не избегать сложностей, а научиться их преодолевать.

Луна, я знаю, что ты не понимаешь, что происходит и почему мы так спешно решили уехать.

Пока ты отсыпалась, кое-что произошло.

Я долго находился в тени и следил за всем происходящим со стороны, только изредка вмешиваясь в ход вещей.

Как тогда, около твоего подъезда.

Это была вынужденная мера. Нельзя было терять ни секунды. Тебя срочно нужно было научить справляться с вихрями судьбы.

Луна, ты понимаешь, о чём я?

— Нет, — растерянно ответила я.

Иван помолчал и продолжил: — Луна, в тот день ты должна была перейти на тёмную сторону.

Смысл этой фразы был когда-то давно искажён и трактуется неверно.

На самом деле, перейти на тёмную сторону — это погрузиться в свои самые потаённые и болезненные воспоминания. Как только ты в них погрузилась, для тебя создали петлю. Из такой петли ещё никому не удавалось выбраться, кроме тебя.

Луна, у тебя получилось, потому что ты очень сильная, и мы тебя подготовили.

В этом и заключается новая дорога, которую ты проложила. Её суть — это выйти из петли собственной тьмы.

Тебя знатно потрепало. Ты с трудом выбралась. Были моменты, когда мы считали, что потеряли тебя.

Но ты выбралась, и это самое главное.

Осталось отладить систему, понять, как облегчить дорогу другим, и нам очень нужна твоя помощь.

Ты видела всё воочию, знаешь то, чего не знаем мы. И ты точно увидишь, где мы ошиблись и что делали не так до сих пор.

Очень много сильных и подготовленных ребят так и не вернулись из петли. Они до сих пор там и ждут нашей помощи.

Мы пока не видим причину, по которой они там застряли. А вот ты смогла выбраться.

Луна, мы едем в институт. Но не в тот, а в другой. В наш институт. Мы тоже не сидели сложа руки.

Пришло время серьезных перемен. И с твоей помощью мы можем изменить правила игры. Мы можем помочь другим найти свою дорогу без жертв, без потерь и потрясений. Люди достаточно настрадались. С них довольно экспериментов. Пора уже брать управление в свои руки и создавать свои правила игры.

Луна, дом был вашим убежищем, но он перестал таковым быть, как только ты вернулась.

Наши противники перешли все мыслимые и немыслимые границы и договорённости. Они решили идти ва-банк, и будь что будет.

Мы не могли просто смотреть, как человечество стирают с лица земли.

На данный момент единственное безопасное место для тебя и твоих близких — это наш институт.

Мы уже подъезжали к реке. Всю дорогу мы ехали через лес.

Иван остановился между двумя густыми деревьями и жестом показал отцу сделать то же самое.

Все вышли из машин и собрались около Ивана.

Иван проводил инструктаж.

Вещи пока останутся в машине. Идём налегке. Вам сначала нужно будет привыкнуть к тому, что вы там увидите.

Предупрежу сразу: это будет непросто. Мозг начнёт сопротивляться и отрицать увиденное. Так работают блокировки, задача которых — не допустить новую веру. Как только вы поверите в реальность происходящего, ваши блокировки самоуничтожатся, и вы сможете по-другому увидеть свой дом. Увидите его более сложную структуру и связь между всем живым на Земле. Вы увидите всю красоту и гармонию нашей планеты.

Пожалуйста, никаких резких движений. Никаких криков и беготни. Данил, тебя это касается в первую очередь.

На этих словах я улыбнулась, вспомнив сцену убегающего Данила от демонов.

Иван подошёл к краю воды, ударил ногой. Из-под глади выехала лестница и разъехалась крыша — точно так же, как

это было в моих воспоминаниях.

Все по очереди спустились вниз.

Крыша закрылась. Внизу лестницы шёл один проход — это длинный коридор, освещённый настенными фонарями.

Пройдя метров пятьсот, мы упёрлись в железную дверь.

Иван снова повторил: будьте готовы увидеть то, во что никогда не смогли бы поверить. И без резких движений.

Всем ясно? — серьёзным тоном добавил Иван.

Получив утвердительный ответ, он открыл дверь.

Я вошла последней.

То, что я увидела, никак не укладывалось в моей голове. Даже после всех моих приключений и всего, во что я уже поверила, увиденное сейчас было совершенно другим.

Мир энергий. Всё состояло из них: мы сами и всё, что нас окружало. Тонкие нити и переплетения соединяли нас друг с другом и ещё с огромным количеством бог знает чего.

Я обратила внимание, что сильно отличаюсь от своих близких. У меня намного меньше переплетений, и я более свободно могу двигать свою энергию.

Чего не скажешь о других.

Например, Даня с трудом мог сдвинуться с места. Он был сильно перемотан нитями, уходящими в разные стороны. Эти нити сдавливали ему грудь и голову. Ему было сложно дышать, и мысли постоянно путались. Из его сердца торчали шипы — точно такие же, как я видела у пса.

У всех моих друзей была похожая картина в той или иной

степени.

Мои друзья хватались за головы. Им было очень больно. У каждого в голове происходила война. Я чувствовала боль каждого из них. Я всё это проходила, когда Измаил вытаскивал из меня тварь.

Рядом со мной стояла Василиса. Она упала на колени и обхватила голову руками. По её щекам текли слёзы. Я подошла к ней, села на колени напротив неё и посмотрела ей прямо в глаза.

— Василиса, — нежно позвала я.

Василиса в тот момент была где-то очень далеко, в своей самой острой боли.

Я позвала её снова: — Василиса, посмотри на меня.

В ответ — никакой реакции.

— Василиса, я знаю, что ты чувствуешь. Я знаю, как тебе сейчас больно, — я взяла её за руку и продолжала с ней говорить.

— Василиса, посмотри на меня. Я рядом с тобой. Я могу помочь. Просто посмотри на меня. Посмотри мне в глаза.

Но Василиса отдалялась всё дальше и дальше и совершенно не слышала меня.

Я стала петь колыбельную. Поначалу ничего не происходило. На третий круг песни Василиса взглянула на меня, и я уже не отпустила её. Удерживая взгляд Василисы, я рассказывала ей, как мы вместе с ней и Даней ели пироги на её кухне. Я напомнила ей, как нежно и трепетно она любит

внука. Я напомнила ей, как много она знает и как она нужна нам всем.

Василису начало отпускать. Война в голове стихала.

Я уже сидела напротив Дани. Ему досталось больше всех.

В это время Василиса сидела напротив моей мамы и проделывала с ней то же самое, что я только что делала с ней.

Я смотрела на Даню и понимала, что тут нужно что-то другое.

Я открыла блокнот и пролистала на страницу со свежими записями.

«Луна, ты не всесильна и не можешь всех спасти. Но ты можешь провести своих близких по тонкому льду на сушу. Им нужно просто довериться твоему чутью и идти рядом, несмотря ни на что.

Не бойся провала. Ведь ты не знаешь, что было бы с ними без тебя.

Твой лёд тоже тонкий, но вместе вы можете вывести каждого из вас».

Понимания, как помочь Дане, у меня не прибавилось. Единственное, что я сделала, — это поцеловала его. Даня ответил на мой поцелуй. Я тут же оторвалась от него и захватила его взгляд.

Даня, помнишь нашу с тобой встречу на пороге моей квартиры? А помнишь леденцы? А макарошки по-флотски?

Даня, ты нужен мне. Я без тебя не справлюсь.

Я чувствовала, каких усилий Дане стоило держать со мной

контакт. Как он сильно боролся.

Я снова поцеловала его, на этот раз отдавшись собственному порыву. Когда я отстранилась от него, Даня сам схватил меня и прошептал: «Луна, пожалуйста, не останавливайся. Только с тобой я чувствую себя живым».

Мы страстно целовались. Я потеряла счёт времени. Что-то начало меняться не только в Дане, но и во мне.

Моё тело начало вырабатывать мощный заряд. Я отстранилась от Данила и внимательно посмотрела на него. Тело Дани полыхало так же, как и моё. Данилу больше ничего не стягивало и не душило. Никаких привязок и нитей больше не было.

Оставались только шипы в сердце. Но здесь я была бессильна.

Не имея понятия, как Дариус достал шипы у пса, я не стала даже пытаться как-то помочь Дане, боясь сделать ещё хуже.

Данил пришёл в себя, и мне показалось, что он ничего не помнит о том, что сейчас было.

Я уже мчалась к Мише, который корчился от боли, валяясь на полу в позе эмбриона.

Я не понимала, что делать. За руку взять не могу. Ловить взгляд тоже нет возможности. Мне на помощь подоспел Даня.

— Луна, помоги отцу, а я займусь Мишей.

Я обернулась назад и увидела обездвиженное тело папы.

Он лежал на полу, не подавая признаков жизни.

Я села рядом и взяла папу за руку.

— Папа, — позвала я. — Папа, это я, Луна.

Папа, помнишь, как мы с тобой ловили рыбу и ты готовил уху? Это была самая вкусная уха на свете. Папа, а помнишь, как мы с тобой шли на концерт ДДТ? Как ты был горд, что ведёшь дочь на концерт любимой группы? И как я радовалась вместе с тобой.

Папа, ты помнишь?

Я положила вторую руку на грудь отцу. Его сердце еле билось.

С энергетикой отца творилось нечто невообразимое. Закручивались вихри и взрывались. После взрыва образовывались новые вихри. С каждым взрывом сердце билось всё тише и тише.

Рядом с нами сел на пол Иван.

— Луна, я боюсь, что твоему отцу уже не помочь. Он умирает. Отпусти его. Ты держишь его и не даёшь уйти. От этого ему ещё больнее.

Я не могла понять, что говорит Иван, и не собиралась его слушать.

Я легла на спину рядом с отцом, держа его за руку. Закрыла глаза и начала проживать все самые приятные моменты, связанные с ним.

Я ловила рыбу, затем ела уху. После мы с папой лежали на траве и считали облака. Я почувствовала, как папа чуть

сжал мою руку.

Я бежала на кухню в своём красивом платье. На кухне папа подхватил меня на руки и закружил. Мы хохотали и радовались предстоящему приключению.

Я иду по улице с папой. Мы нарядные: я в платье, папа в костюме и начищенных до блеска туфлях. По дороге папа поднимает меня и кружит, я хохочу от радости. Я чувствую любовь к отцу. Искреннюю, ни с чем не сравнимую любовь.

В этот момент отец закашлял и сел. Я подскочила и обняла его со словами: «Папа, я так тебя люблю!»

Мы сидели, растворяясь в объятиях любви. Папа быстро пришёл в норму. Его энергетика восстановилась. Никаких взрывов и привязок.

Оставался один Миша. Ему явно нужна была помощь. Василиса и Даня не могли ничего сделать.

Миша сидел на корточках, обхватив голову руками.

Я не могла понять, что не так. Его энергетика потухла. Ничего не происходило.

Ко мне подошёл Иван и шёпотом сказал:

— У Миши стоит защита от взлома. Кто-то сделал так, чтобы мы ничего не смогли сделать. Луна, будь осторожна, там, скорее всего, стоят ловушки-обманки. Ты можешь сама пострадать.

Я кивнула Ивану в ответ и села рядом с Мишей.

Василиса и Даня отошли в сторону.

Я осторожно провела рукой по волосам брата, Миша в от-

вет дёрнулся.

Я положила ладошки ему на плечи, Миша в ответ дёрнул плечами, пытаясь сбросить мои руки. Я держала крепко его за плечи. Миша злился. Его злость пробуждала искру в энергетике.

«Ага, — подумала я. — Тебя надо разозлить». Я растрепала брату причёску. Он этого терпеть не мог.

В ответ Миша начал махать руками. Он поднял голову и посмотрел на меня.

Я воспользовалась моментом и захватила его внимание.

Мне оставалось вспомнить что-нибудь хорошее, но, как на зло, на ум ничего не приходило.

И я вдруг поняла, что не помню ничего хорошего, связанного с братом.

— Миша, вспомни что-нибудь хорошее, — говорила я ему тихо на ухо.

— Миша, ты хоть что-нибудь помнишь? Ведь не может быть, чтобы между нами не было ничего тёплого и доброго.

Миша открыл глаза, посмотрел на меня изучающе и снова опустил голову.

Я поднялась и стала интуитивно ходить вокруг Миши по часовой стрелке, обдумывая, что ещё можно предпринять.

«У меня же есть книга», — вспомнила я на четвёртом круге.

Любопытное наблюдение: Миша дёргался каждый раз, когда я заканчивала очередной круг. В этом явно что-то было.

Продолжая ходить, я открыла книгу на последней странице.

Ничего нового не появилось. Только то, что я прочла, когда искала ответ, как спасти Даню.

«Довериться чутью», — повторяла я себе под нос снова и снова.

Я шла седьмой круг. Перемен я не замечала.

Миша сидел неподвижно и молчал.

Ко мне присоединилась Василиса.

Через секунду с нами шёл Даня и папа с мамой.

Ещё через минуту присоединился Иван.

— Миша, помнишь, как мы с тобой ели мороженое в парке по выходным? — громко спросил отец у Миши.

— Ты любишь щербет и пломбир. Я всегда тебе покупал оба.

Сын, я знал, что ты больше любишь щербет, но, так как он маленького размера, я всегда подыгрывал тебе, когда ты стоял около прилавка, прикидывая, какое мороженое выбрать. Я с удовольствием включался в твою игру и покупал тебе сразу два мороженых.

Миша зашевелился.

— Сын, а помнишь, как мы с тобой шли по набережной и увидели, как в реке на коряге висел котёнок? Ты бросился его спасать и сам чуть не утонул. Пришлось спасать тебя и котёнка.

У Луны была аллергия, но мы всё равно оставили котёнка,

ведь ты к нему успел привязаться, и он стал тебе так дорог.

Миша с удивлением посмотрел на отца.

Затем он выкрикнул: — Это неправда. Ты врёшь — моего котёнка вы оставили Луне.

— Миша, твой кот даже не заходил ко мне в комнату, и я не могла его взять на руки, хотя очень хотелось.

— Папа, ты вправду оставил котёнка мне? — спросил Миша. — Даже не смотря на аллергию Луны?

— Да, сын. Я не мог поступить иначе. В той реке я чуть тебя не потерял. Кот был важен для тебя, а ты важен для меня.

Папа подошёл к Мише и обнял сына.

В энергетике Миши начали пробиваться искры.

Даня ускорил шаг и выкрикнул: — Миша, а помнишь, как мы с тобой в детстве удирали от пацанов из соседнего двора?

Так было несколько раз, пока ты не сказал: «Хватит». Ты решил дать им отпор. Мы с тобой долго готовились и в назначенный день надрали им задницы. В тот день мы доказали, что можем за себя постоять. Миша, ты помог мне понять, что в одиночку сложно противостоять чему-либо. Вместе идти легче, поддерживая друг друга в нужный момент.

Миша сам подошёл к Дане, по его щеке текла скупая слеза. Ребята обнялись.

Стало происходить нечто непонятное.

Энергетика брата оживала. Это была феерия. Цветные шары надувались и распадались на множество ярких цвет-

ных огоньков. Действие чем-то напоминало фейерверк.

Постепенно всё успокоилось, и энергетика пришла в норму.

Миша отличался от всех нас. Его структура выглядела намного сложнее, чем у остальных. Огромное количество узоров и соединений, какие-то символы светились сквозь небольшие просветы между узорами. Очень красивое сияющее зрелище.

Миша подошёл ко мне со словами: — Сестра, даже если мы не вспомним ничего доброго про наше с тобой детство, мы всегда можем создать самые ценные и важные моменты сейчас и в будущем. У нас с тобой впереди целая жизнь для этого.

Я помню, как пришёл к тебе через много лет, и ты меня не узнала. Моё сердце вырывалось наружу, я так боялся и ждал твоей реакции. Ведь я понятия не имел, как ты меня встретишь. Я много раз прокручивал в голове эту встречу. И каждый раз по-новому проигрывал твою реакцию.

Луна, когда я протянул тебе свой паспорт, земля ушла из-под ног. Дикий страх я испытал в тот момент, ожидая чего угодно, но не той реакции, которая последовала, когда ты поняла, кто я.

Луна, это был очень важный для меня момент за последние несколько лет.

Я снова бросилась брату на шею.

Это были очень взрослые и любящие объятия. Мы стояли,

согревая друг друга нежностью и любовью.

Я поняла, что сейчас Миша помог мне. Я и не знала, что тоже нуждалась в помощи.

Моя энергетика менялась, как и Мишина. Наши структуры соединялись, закручиваясь в невероятные фигуры и символы, затем возвращались обратно. Так продолжалось несколько минут.

Я ощущала эйфорию, благоговение, умиротворение и очень тихую и глубокую радость.

Энергии вернулись на свои места.

Все, кто находился в этом зале, отличались друг от друга не только внешне, но и энергетически.

«Как же это красиво!» — вырвалось у меня.

Иван в ответ произнёс: «Луна, дальше будет ещё краше».

«Я очень рад, что все живы». С этими словами Иван посмотрел на моего отца.

«Вова, мы тебя чуть не потеряли, но чудеса случаются везде, и нам всем не помешает в них верить почаще».

Затем Иван обратился ко мне: «Луна, спасибо, ты показала мне чудо. Я не заметил, как перестал в них верить. Ты напомнила мне, что глаза могут обмануть, а сердце — никогда».

«Нам пора двигаться дальше», — воскликнул Иван и открыл следующую дверь.

Затем развернулся и добавил: «Таких испытаний больше

не будет. Это был самый важный и решающий энергетический коридор».

Условно вы перешли из одного мира в другой. Из трёхмерного мира в пятимерный.

Пока что это симуляция. Мы воссоздали среду, в которой ваша энергоструктура обретает плотность и может взаимодействовать с земным миром и своим владельцем.

Для меня это тоже был очень важный урок, я понял, в чём ваша сила. Это то, на что мы никогда не обращали внимание и не учитывали раньше. То, что я сейчас увидел, меняет всё.

Основной ключ к переменам — это наше единство и человечность. Только так можно противостоять тому, что надвигается.

Иван зашёл внутрь, и мы последовали за ним.

Обычная комната, похожая на зону отдыха в офисе. Стоит кулер с водой, автомат с кофе, чаем, пара диванов и кресел. На стене висел телевизор.

Тихо, спокойно и уютно.

Мы разбрелись по комнате. Каждый нашёл себе уютный уголок.

Василиса сделала всем чай.

Мы выпили чай с печеньем и уснули.

Что-то в чай было добавлено. На первом глотке я почувствовала туман в голове и поняла, что с моим сознанием что-то происходит.

Открыв глаза, я обнаружила себя в окружении больших

грибов.

Один из которых со мной заговорил: «Вижу, ты проснулась. Идём, кое-что тебе покажу».

Я иду рядом с грибом, который не умолкал ни на секунду. Он рассказывал о том, как ему хорошо живётся, как он долго меня ждал и много чего ещё...

У меня разболелась голова, и очень хотелось тишины, а гриб не собирался умолкать.

Наконец он замолчал, и голова сразу перестала болеть.

«Мы на месте», — сказал он. Вокруг была та же темнота, что и до этого. Как он определил, что мы на месте? Ведь ничего же видно. Никаких ориентиров.

«А зачем мне ориентиры?» — спросил у меня гриб. — «Я знаю, что сейчас нахожусь на месте, и мне достаточно простого знания. На что мне ориентиры? Они переменны, а моё чутьё — нет».

Гриб предложил мне сесть.

Я села на пол. Он уселся рядом и закрыл глаза.

Я вопросительно смотрела на него, ожидая объяснений. Но гриб молчал и не обращал на меня никакого внимания.

Я тоже закрыла глаза и расслабилась.

С закрытыми глазами я начала видеть невероятную картину.

Пляшущие фигурки сменяли друг друга. С каждым выдохом я всё больше и больше расслаблялась и погружалась в себя.

Перед глазами стала прорисовываться более понятная картинка. Фигурки превратились в живых существ, за ними появился рельеф и поверхность.

Девушки танцуют перед костром и бьют в бубны. Отлаженный ритм их движений и звук бубна создавали огоньки, уходящие в небо. Девушки были источником зарождения огоньков, уходящих высоко вверх.

Красивое зрелище.

Я открыла глаза, чтобы поделиться увиденным с грибом, но его рядом не оказалось.

Я уже была в подобных ситуациях и неоднократно оказывалась одна в темноте. Но с грибом было значительно веселее, хоть он меня и раздражал.

Я поймала себя на одной мысли. Пока гриб был рядом, мне хотелось от него избавиться. Когда гриб говорил, мне хотелось, чтобы он замолчал. Когда гриб замолчал, я ждала от него объяснений.

Громкий смех раздался у меня за спиной. Из темноты вышел гриб со словами: «А ты сообразительная. Быстро поняла, что к чему. Как думаешь, для чего я здесь?»

Я пожала плечами. «Не знаю, может, показать мне то, на что я не обращаю внимание?» — добавила я.

Гриб плюхнулся на пол и продолжил урок.

«Нет, не для этого. Давай ещё варианты».

Я задумалась, выдержала паузу и вспомнила всё, что со мной уже происходило.

«Я думаю, тебя тут нет. Я веду разговор сама с собой. И голова у меня болит от самой себя. И жду объяснений я от самой себя не в тот момент. Это всё очень похоже на внутренний конфликт. Претензии, обиды, злость, раздражение — это всё то, чего я избегаю и не желаю увидеть в самой себе. Я вижу это в других, и меня бомбит».

— Гриб, ты — это я. Та я, которую хочется спрятать поглубже и подальше, но ирония в том, что без тебя мне стало ещё хуже. И сразу захотелось, чтобы ты вернулся.

Гриб сидел молча, затем достал кальян и закурил.

— Я нахожусь в мире абсурда, — прошептала я тихо.

— Отчего же? — спросил гриб. — Что тут абсурдного?

— Да как же, — пыхтела я от возмущения, — ты куришь кальян. Какой в этом смысл? И почему именно сейчас?

— А почему бы и нет? — сквозь глубокую затяжку пропел гриб.

Его явно всё устраивало, и меня это безумно раздражало.

Гриб протянул мне кальян: — Затянись, полегчает.

Я разозлилась ещё больше: — Ты что, дебил? Какой может быть кальян? Мне нужен чистый рассудок. Как я буду решать загадки, если буду сидеть тут с тобой и курить?

— Никак, — ответил гриб. — А зачем тебе решать какие-то там загадки? Зачем тебе это? Ты, видимо, любишь ломать мозг, а затем его собирать и ремонтировать. Можно просто посидеть, и всё само решится.

— Попробуй, не пожалеешь, — и он снова протянул мне

кальян.

В голове я очень ярко представила свой поломанный мозг и как я его перематываю скотчем, склеиваю извилины и пытаюсь закрасить места поломок.

Я сдалась и схватила кальян.

После первой затяжки картина с поломанным мозгом стала выглядеть довольно комично. После второй затяжки я сама стала выглядеть достаточно смешно.

Наверное, в кальян гриб добавил себя. Кальян с грибом — после этой мысли я рассмеялась.

А от какой части себя он отщипнул кусочек? Вроде всё на месте, но в кальяне явно что-то есть.

Третья затяжка, и я уже хохотала навзрыд. Смех и слёзы перемешались. Меня было не остановить.

Четвёртая затяжка, и я сижу одна, никого нет, гриб и кальян исчезли.

Я одна сижу в темноте.

Тело тоже пропало.

Не знаю, сколько времени я смеялась. Время тоже пропало, как гриб и моё собственное тело.

Открыв глаза, первым я увидела папу, который спал на диване.

Осмотрев комнату, я поняла, что все спят.

Это подтверждало мою догадку про чай.

Миша? А где Миша? Его не было в комнате, как и Дани.

Я сделала себе кофе и уселась в кресло.

«Ничего не делать», — шептала я себе под нос. Мне нравится. Почему бы и нет? Больше никуда не бежать и не искать себе приключений. Я думаю, у меня получится просто присесть и подождать.

На этой мысли в комнату вошли ребята.

Подошли ко мне и молча показали, чтобы я шла за ними.

Я поднялась, взяла кружку и вышла из комнаты.

Мы шли по узкому коридору молча. Впереди нас ждал поворот налево и направо.

Миша свернул налево, а Даня — направо.

Я растерялась и осталась стоять на месте, не зная, куда мне идти.

Простояв так с минуту, я повернула направо, не задумываясь и не делая выбор. Просто повернула и пошла.

Я быстро догнала Даню. Он шёл молча и не обращал на меня никакого внимания.

Словно меня тут и не было.

Каким-то образом мы вернулись обратно в комнату отдыха. Всё по-прежнему спали, в том числе и Миша.

«Очень странно», — подумала я. Ведь Миша только что был в коридоре вместе со мной.

Даня уселся в своё кресло и закрыл глаза.

— Что это было? — спросила я вслух. Затем вспомнила, что мне сказал гриб. Я решила больше не решать задачи, а просто подождать.

С этой мыслью я расположилась в кресле и закрыла глаза.

Меня разбудил громкий смех и веселье.

Все пили чай и веселились.

Папа с Иваном спорили о какой-то футбольной команде. Мама с Василисой и ребятами проверяли своё красноречие через анекдоты и смешные истории.

Я подошла и села рядом с мамой.

На меня снова никто не обратил внимания. Я напряглась, затем вспомнила, что мне сказал гриб.

Выпив чай, я посидела немного рядом с мамой. Затем прогулялась по коридорам и выяснила, что правый коридор идёт по кругу и возвращается в комнату отдыха, а левый коридор ведёт к выходу, с которого мы пришли.

Я вернулась в комнату и подошла к Ивану. Села рядом и спросила у него:

— Иван, ты меня тоже не видишь?

— Почему же не вижу, Луна? Я прекрасно тебя вижу.

Я воодушевилась: — А почему остальные не видят? — спросила я.

Иван улыбнулся и тихо прошептал: — Потому что они спят. А мы с тобой — нет.

— Что ты имеешь в виду? — растерянно спросила я.

В ответ Иван встал и взял меня за руку.

— Луна, ты же была в самых отдалённых уголках своего разума. И много чего видела, и многому научилась.

Ты очень быстро поняла смысл и проснулась.

А твои близкие пока гуляют по собственным лабиринтам.

— А ты? — спросила я Ивана.

— Я давным-давно вышел из своих лабиринтов.

Луна, надо отдать тебе должное: скорость, с которой ты проснулась, воодушевляет. Потрясающий результат.

Иван повёл меня по знакомому коридору.

Мы остановились перед поворотом.

Иван спросил: — Луна, куда повернёшь: налево или направо?

— Я пойду прямо, — ответила я, не задумываясь.

Через мгновенье стена превратилась в продолжение коридора.

Я улыбнулась Ивану и сделала шаг вперёд.

Мы шли рядом с Иваном.

Я рассказала ему, как мне было непонятно блуждать по лабиринтам и как оказалось легко курить кальян с грибом.

Иван рассмеялся и добавил: — А твои друзья сейчас так не думают.

Я задумалась, вспомнила все свои приключения и поняла, что сейчас вижу мир и людей совершенно по-другому.

Иван, ты знаешь, мне так долго казалось, что только контроль и чёткий план сделают мою жизнь лучше.

Но, как оказалось, тот путь лишён жизни. Лишён радости и любви.

Мы подошли к очередной развилке.

На этот раз мне предстояло выбрать: повернуть направо, налево или пойти прямо.

Не задумываясь, я сделала шаг вперёд.

Иван проследовал за мной.

Мы снова шли по длинному коридору.

Иван рассказал, как ему сложно было сообщать мне про приемных родителей. Он видел, как мой привычный мир рушился у него на глазах. Ему пришлось проявить стойкость, чтобы не дать слабину и не привести меня в пограничное состояние. Достигнув его, я смогла попасть в мир уроков. Не каждый способен попасть в этот мир. Нужно достичь определённого психоэмоционального фона. Поэтому Иван меня не жалел и не сглаживал углы при выборе формулировок.

Я вздохнула, вспомнив тот вечер около подъезда. Затем улыбнулась и поблагодарила Ивана.

— Я только сейчас начинаю по-настоящему жить, — сказала я ему.

Мы упёрлись в дверь. Перед нами был один-единственный ход — это дверь перед нами, или мы могли развернуться и пойти назад.

Я повернула ручку и открыла дверь.

Бальный зал — такие ассоциации вызвало у меня данное помещение.

Иван, словно поняв, о чём я думаю, ответил мне вслух: — Луна — это комната смеха.

Мы пытались воссоздать мир уроков. Сделали, что смогли.

Насмеяться вдоволь — таков смысл данного помещения.

Я вспомнила щекотку и то, что последовало после. Тогда смысл был вовсе не в смехе, а в том, что было после.

Я молча слушала Ивана. Мне хотелось как можно больше узнать об этом удивительном месте, созданном человеком.

Иван привёл меня в центр и оставил одну. Сам вышел и закрыл за собой дверь.

Меня сложно было удивить после пережитых событий. Но я ошибалась.

Сзади ко мне подбежала девочка лет пяти и потянула меня за собой. Я подчинилась. Мы вышли за дверь и пошли обратно. «Странно», — подумала я. — «Для чего всё это?» Затем я вспомнила слова гриба и расслабилась, доверяя происходящему.

Мы вошли в комнату отдыха, где спали мои друзья.

Девочка достала из кармана зубную пасту и протянула мне тюбик.

Я открыла рот и прошептала: — Да ладно! Не может быть! Мне что, нужно измазать их зубной пастой?

Девочка кивнула.

Я подчинилась.

Первым был папа. Поначалу мне было неловко. Затем я разрисовала маму и Василису.

Подошла к Мише и открыла тюбик, но девочка меня остановила, забрала пасту и протянула красный лак для ногтей.

К этому моменту я уже достаточно развеселилась и с удовольствием приступила к делу. Я накрасила ногти на паль-

цах рук.

Затем подошла к Дане, проделав с ним то же самое. Вдогонку я сняла с него кроссовки и носки. Накрасила ногти на пальцах ног, подождала, пока высохнет лак. Затем одела ему носки и кроссовки.

Девочка забрала у меня лак и протянула клаксон, показывая жестом, что нужно делать.

Я набрала воздух в лёгкие и дунула со всей силы. У меня в ушах зазвенело.

Первым подскочил Даня и тут же грохнулся на пол. Связанные шнурки сделали своё дело.

Папа размазал по лицу всю зубную пасту и бегал по комнате, ничего не видя.

Мама меня восхитила. Она поднялась на диване. Грациозно села как ни в чём не бывало и стала наблюдать за остальными, с трудом сдерживая смех. Она явно понимала, что происходит.

Сегодня я узнала маму с неожиданной для меня стороны. Видимо, моя мама в детстве была та ещё шалунья.

Василиса крепко спала. Она не слышала ничего.

Я подошла к ней и померила пульс. — Всё в порядке, — сказала я вслух.

Девочка взяла меня за руку и повела обратно в зал смеха.

Как только мы переступили порог, я заметила разительные изменения.

Огромное количество больших мониторов. На каждом из

них показывали моих близких.

Василиса по-прежнему спала.

Даня со злобной миной сидел и отгрызал лак с ногтей.

Миша лёг спать дальше. Свежий маникюр его явно не беспокоил.

Мама оттирала зубную пасту с папиного лица и хихикала, хотя сама по-прежнему была измазана пастой.

Папа был спокоен, шалость его явно не особо тревожила.

Все мониторы выключились, кроме Данилы.

Его злость нарастала. Он с большим ожесточением отгрызал лак от ногтей.

Я вспомнила, как в детстве мальчишки из соседнего двора дразнили Даню за дружбу со мной.

Я поняла, что не все шутки смешные. Да и, по сути, нет в них ничего смешного. Шутка хороша, когда смеёшься над собой, а не над кем-то другим.

Вернулся Иван и стал рядом со мной.

Мы оба смотрели, как Даня сидит и плачет, периодически озираясь по сторонам, проверяя, чтобы никто не проснулся.

Иван обнял меня за плечи и произнёс: — Мне тоже больно на это смотреть. По-другому никак невозможно помочь.

Травму можно только прожить. Больше никак от неё не избавиться.

Я прекрасно понимала, о чём говорит Иван. Но это знание не мешало моему сердцу разрываться на части.

Наконец-то последний монитор потух, и я вздохнула с об-

легчением.

Теперь я понимаю, что комната смеха имеет ничуть не меньшую глубину, чем моя щекотка.

Я была восхищена всем, что здесь происходило.

— Вот такая у нас несмешная комната смеха вышла, — с ироничной улыбкой произнес Иван и показал мне на дверь.

Мы вернулись в коридор.

— Они скоро проснутся, нам пора возвращаться, — воскликнул Иван и быстрым шагом направился в комнату отдыха.

Я быстро вытерла всем лица и стерла лак с ногтей Миши и остатки лака у Дани, совершенно позабыв про лак на ногах. Об этом я пожалею позже.

Я села на своё место и закрыла глаза, сделав вид, что также спала, как и все.

Услышав разговоры, я поняла, что кто-то уже проснулся.

Мама тихо беседовала с папой.

Я присоединилась к ним.

Мама рассказывала, как заблудилась в лесу, и чей-то смех помог ей выйти. Мама шла в сторону звука и вышла на дорогу прямо к собственной машине, в которой её ждал отец.

Отец с удивлением слушал маму, затем стал рассказывать свою историю.

— Я ехал за рулём, видимо, уснул. Меня также разбудил чей-то смех. Открываю глаза, а мне навстречу летит грузовик. В последнюю секунду я успел вернуться на свою полосу.

— Луна, а что тебе снилось? — спросил папа.

Я смутилась. Не буду же отцу рассказывать, как курила кальян с грибом.

Чуть поразмыслив, я всё-таки передумала и рассказала всё как было.

И про кальян, и про зубную пасту.

На удивление, отец и глазом не моргнул. Затем сквозь смех прошептал: «Ого, как тебя накрыло».

— Дочь, тебе, по-моему, было веселее всех.

От папиного смеха все тут же проснулись.

Даня выглядел мрачнее всех.

Все обратили внимание на его состояние, но никто не стал лезть к нему в душу.

В комнату вошёл Иван и сообщил, что нам пора двигаться дальше. У нас впереди очень много дел, и ему не терпится нам всё показать и рассказать.

Выйдя из комнаты, мы очутились в большом коридоре с множеством дверей и проходов. Коридор больше походил на холл современного офиса или отеля. Он не сильно отличался от комнаты отдыха. Тут также стояли диваны и кресла. Стоял автомат с кофе и чаем. В витрине холодильника красовались напитки на любой вкус. Чуть поодаль я заметила кухню. Кто-то нёс тарелку с бутербродами. Услышав аромат еды, мои киты тут же дали о себе знать. Они запели свою голодную песню, да так громко, что Иван вздрогнул и тут же предложил нам перекусить вместе с его коллегами.

Мы расселись по креслам. В моих руках тут же оказалась тарелка с бутербродами.

Коллеги Ивана суетились вокруг нас, уделяя нам как можно больше внимания.

Когда все расселись со своими тарелками, Иван заговорил:

— Друзья, первая партия испытуемых прошла наши лабиринты без видимых потерь. Все живы и, надеюсь, здоровы. По крайней мере аппетит есть у всех. — На последней фразе Иван взглянул на Даню, жадно поедающего свой бутерброд.

Выдержав паузу, Иван продолжил:

— Коллеги, вы все знакомы с моими друзьями и моим сыном. Для меня это было очень трудное испытание. Подвергнуть своих близких таким болезненным процедурам и душевным мукам оказалось непросто.

И как я уже сказал, я очень рад, что у нас всё получилось.

Иван подошёл ко мне и встал сзади, положив свои руки мне на плечи. — Эта хрупкая девушка прошла через самые тёмные уголки собственной души и смогла выбраться без чьей-либо помощи.

Я возразила: — Как это без помощи? Помощь была и неоднократная, — с удивлением объясняла я.

Все заулыбались. Они явно знали то, чего не знала я.

Иван продолжил:

— Луна, я говорю про внешнюю помощь. Ты смогла выбраться сама, не используя внешнюю помощь, тебе помогал

твой собственный внутренний мир. Многие из вас не знают, через что Луне пришлось пройти. По сути, это и не важно. Важно только то, что у нас теперь есть доступ к информации, отвечающей на вопрос: что находится по ту сторону.

Луна провела на той стороне порядка двух недель. Она выпала из нашей реальности и бродила по лабиринтам собственных воспоминаний.

А мы все с вами знаем, что на всех нас идёт охота. Луна — не исключение: пришлось столкнуться с предательством, вероломством на самом высоком уровне, с несправедливостью и коварством тех, кто должен нас защищать любой ценой.

Несмотря на всё это, Луна справилась и смогла найти дорогу домой.

Она вернулась живая и невредимая. И ей есть чему нас с вами научить. Луна — то недостающее звено, которого нам так не хватало. Она поможет нам продвинуться дальше, и, возможно, все вместе мы сможем создать алгоритм перехода на новый уровень, минуя лабиринт.

Иван погрустнел и добавил: — Слишком много хороших и добрых ребят мы потеряли в лабиринтах. Я больше не готов терять никого.

Иван закончил свою речь и сел рядом с сыном.

Я только сейчас вспомнила про Василису. Кто же она такая на самом деле? Иван с ней общается не как с матерью? Тут явно что-то не так, — подумала я и быстро сменила тему размышлений. Больше я не погружаюсь надолго в какие-ли-

бо головоломки, на которые у меня нет ответа. Всё само разрешится, — решила я, вспомнив слова гриба. Ко мне подошли двое молодых коллег Ивана и попросили в первую очередь уделить внимание их работе. Мы договорились поработать вместе, как только я буду готова.

Постепенно холл опустел, остались только мы. Иван о чём-то говорил с сыном. Лицо Данила чуть смягчилось. Разговор с отцом ему явно пошёл на пользу.

Мы просто сидели. Ничего не делание беспокоило меня. Моё тело реагировало, оно словно требовало встать и идти.

Опомнилась я от похлопывания по плечу. Я обернулась. Позади меня стоял Иван.

— Луна, что с тобой? — обеспокоенно спросил Иван.

Я, не понимая, о чём речь, поднялась, повернулась к Ивану и вопросительно посмотрела на него.

Он в ответ кивком показал на мои руки. Я опустила голову. Ногти обломаны. Под ногтями занозы и кровь.

С минуту я рассматривала свои пальцы в попытке найти объяснение произошедшему. Но ответа у меня не было.

Через минуту я осматривала своё тело. Ни одной царапины.

— Откуда кровь? — спросила я, не ожидая получить ответ.

Иван пристально смотрел на меня и ждал.

«Чего он ждёт?» — спросила я себя мысленно.

Догадавшись смыть кровь, я быстро подбежала к ракови-

не.

Опустив пальцы под струю холодной воды, я закричала от нестерпимой боли.

Дальше — провал. Ничего не помню.

Очнулась я на кровати. У меня получилось открыть только один глаз. Это всё, что я смогла сделать.

Тело не отвечало на мои команды. Говорить не могу.

Дикий страх накрыл меня за секунду. Я тут же испытала невыносимую боль во всём теле.

Тело изнывало от болевых ощущений.

Что со мной? Почему так больно?

Я судорожно повторяла одни и те же вопросы.

Когда я приходила в себя и открывала глаза, то видела всё ту же картину.

Я лежу на кровати, к моему телу подсоединены трубки. Волнообразная боль, от которой я теряла сознание. И так происходило снова и снова, как только я открывала глаза.

Я сбилась со счёта. Сколько прошло времени? Дни, месяцы, годы? Я совершенно не понимала, что происходит. Думать и анализировать у меня не было сил. Боль лишила меня способности думать. Она овладела моим телом и моим умом. Казалось, что я полностью состою из боли, что я и есть эта боль.

Я так и прозвала себя — «Боль». Теперь это моё имя.

Теперь я — это боль.

Открывая глаза, я обращалась к себе:

— Привет, Боль!

Как тебе спалось? Как дела? Как прошёл твой день?

Со временем я начала замечать, что боль реагирует на мои слова микро импульсами.

Сначала в пальцах рук я почувствовала еле заметный импульс. Затем в пальцах ног. После подключилась нижняя губа.

Ещё через какое-то время я могла поднимать пальцы рук на пару сантиметров над одеялом.

По ощущениям прошли годы, прежде чем пальцы поднялись на пару сантиметров над кроватью.

Но мне спешить было некуда. Я просто лежала и наблюдала за собой и своей болью.

В очередной раз открыв глаза, я ощутила перемены. Что-то изменилось, но я не понимала, что именно.

На первый взгляд всё было как прежде, но что-то волновало меня. В груди появилось новое чувство, которое я не могла распознать.

Новое ощущение заставило меня позабыть про свою боль. Теперь всё моё внимание было приковано к новому ощущению.

«Кто же ты?» — спросила я у своего тела.

В ответ — тишина.

Ладно, не хочешь говорить — не надо. Как-нибудь переживу.

Я вспомнила про привычную и хорошо знакомую боль и продолжила общение с ней, как и прежде.

Новое чувство я ощущала с каждым пробуждением всё ярче и глубже. Но я не обращала на него никакого внимания.

В какой-то момент я услышала:

— Ну здравствуй, бесстыжая.

Я и глазом не моргнула. Сделала вид, что мне нет дела до приветствия, да ещё в такой провокационной форме.

Пробуждение за пробуждением я обращалась к своей боли.

Новое чувство притихло. Больше я его не чувствовала, и оно не выходило на связь.

Я так свыклась со своей болью, что не заметила, как перестала её ощущать. Мне больше не было больно. Я просто привыкла, что она рядом.

Мне не хватало боли. Я нуждалась в ней. Я всеми способами пыталась вызвать боль, лишь бы она не бросала меня. Неспособность шевелить своим телом не давала возможности причинить себе боль.

В отчаянии я звала свою боль каждое пробуждение, но в ответ — ничего.

Боль покинула меня, и это вызывало у меня раздражение и злость. Я злилась на боль. Я злилась на себя. Я злилась на весь мир и на всё, что окружало меня.

Я перестала обращать внимание на время и на свои ощущения.

Пустота и разочарование охватили меня и всё моё существование. Я стала просто открывать и закрывать глаза, не обращая внимания на происходящее вокруг.

И самое поразительное: пока я открывала и закрывала глаза, передо мной проносилась жизнь за жизнью. Сменялись декорации, персонажи и сценарии. Но мне было всё равно. Меня не волновало то, что со мной происходит. Я застряла в собственных переживаниях и не собиралась выбираться наружу. Я словно прилипла к ощущению собственной боли, которая давным-давно покинула меня и испарилась.

Декорации менялись, до них мне не было дела. Пока однажды я не почувствовала новую боль. Я взбодрилась, обрадовалась. Вот же она, моя долгожданная, горячо желанная боль. Как же я по тебе скучала. Как же я тебя желала. Как же я надеялась, что однажды ещё встречу тебя.

Дождалась! Наконец-то я тебя дождалась. Я больше никуда тебя не отпущу и никому не отдам.

Снова почувствовав боль, я успокоилась и обратила внимание на происходящее вокруг. Я заметила новые декорации. Новые лица. Заметила своё тело, которое живёт без моего участия. Оно ест, двигается, о чём-то размышляет.

Моё тело отделилось от меня и зажило собственной жизнью.

Я поняла, что бросила своё тело. Бросила и предала себя. Предпочла забыть о себе ради привычного и сроднившегося чувства боли.

Это было моё первое чувство, которое ощутило моё сознание. Это было первое, что я почувствовала в собственном теле.

Почувствовав снова боль, я смогла заметить своё тело. Обратить на него внимание. Я могла увидеть автономную работу тела и ума. Они выжили без меня. Они смогли так долго менять декорации самостоятельно, без моей помощи.

Моё тело стойко выдерживало всё, что накидывал ему ум. Оно закалилось. Затвердело. Моё тело покрылось рубцами и шрамами. Оно сильно пострадало, и некоторые механизмы стали работать неправильно. Как кости, которые неправильно срастаются после переломов.

Я увидела, как тяжело было телу и уму справляться без меня. Им пришлось бороться. Бороться друг с другом и со всем миром. Измученные и израненные, но всё же живые, они предстали перед моим взором.

Я наконец-то увидела целую себя.

Больше я не брошу своё тело. Больше я не пойду на поводу у первого ощущения, захватившего моё сознание: больше я не буду так легкомысленно поддаваться на провокации извне.

Понадобилось очень много жизней, чтобы заметить ловушку, в которую я добровольно поместила себя.

Время пришло.

Время перемен и узнавания себя и своего тела. Теперь я вижу все механизмы и рычаги, которые меняли меня без мо-

его ведома и молчаливого согласия. Я вижу, как зыбко человеческое тело. Как хрупок внутренний мир без понимания происходящего. Как хрупкое сознание пытается доказать самому себе, что оно всё контролирует. Как страшно признаться себе в неудаче. В том, что ничего не получилось. Как трудно признаться другим, что то, во что ты так слепо верил, оказалось ложным и искусственным путём. Созданным специально, чтобы преподать урок веры. Чтобы преподать урок надежды. Чтобы сознание наконец поняло, что не существует веры в кого-то или во что-то. Вера — это истинный путь в ложную жизнь. В жизнь, полную грехов и наказаний. В жизнь, полную надежд и разочарований. В жизнь, полную осуждений и вины. Вины в собственных преступлениях. Ложный мир, полный выдуманных правил и запретов. Мир, созданный из наказаний и ограничений. Мир, созданный для ловушки ума.

Я наконец-то вижу этот искусственный мир. Вижу его боль и вину, пронизанные насквозь чувствами и слезами людей.

Спящее сознание давным-давно потеряло ту тонкую нить, связанную со своим телом. С телом, вынужденным выживать каждую секунду в ложном и искусственном мире надежд и иллюзий. В мире кривых зеркал и искажений. В мире, в котором каждый слышит только себя и собственную боль. В мире, в котором вина стоит на первом месте по самоуничто-

жению. В мире, в котором человек сам себя наказывает каждую секунду собственными мыслями и ограничениями.

Я открыла глаза. Пошевелила пальцами, затем руками и ногами. «Тело реагировало на мои команды — хорошо», — сказала я тихо.

Мои ногти по-прежнему поломаны. Кровь сочилась из-под ногтей.

Оказалось, я, сидя в кресле, начала драть подлокотники. Продрав поролон, я добралась до деревянного каркаса и продолжила царапать его.

Никто не заметил, чем я занималась. Все были заняты собой.

В какой-то момент Иван обратил внимание на моё странное подёргивание. Он подошёл спросить, всё ли в порядке. И только когда я встала, он увидел мои пальцы, а затем и окровавленные подлокотники.

Прибежали сотрудники института с аптечкой.

Переглянулись с Иваном.

Иван сел рядом со мной и тихо произнёс: — Ева, ты огромная молодец. Я поздравляю тебя. На его щеке появилась скупая слеза и тут же исчезла.

Мне сделали укол и стали вытаскивать кусочки мелких щепок из-под ногтей.

Я сидела молча. Новое ощущение пронизывало всё тело. Я словно знала всё, что было и будет. Я одновременно ощущала смысл происходящего и видела все дороги одновре-

менно. Я видела все пути и их решения.

Я видела все узлы на каждой из дорог.

Я видела результаты каждой дороги.

Я видела всех участников той или иной дороги.

Я видела все переплетения и механизмы разрешения той или иной ситуации.

Я видела свойства личности и способ наилучшего прохождения пути.

Я могла определить дорогу, наиболее подходящую под ту или иную задачу.

Я видела, насколько сложно человеку понять, что ему делать дальше и какие механизмы использовать.

Я видела всю боль непонимания и отрицания реальности людьми.

Я видела все искажения на пути человека.

Я видела все не состыковки в состоянии человека с переплетениями и узлами на пути.

Я видела подмену понятий.

Я видела, как человека вводят в заблуждение, играя на его честности и доверии.

Я видела, как сильная боль меняет людей до неузнаваемости. Как то, что должно им помочь, убивает и губит их души.

Я чувствовала всю боль земли и боль всех людей.

Я чувствовала скорбь и горевание тех, кто потерял надежду и перестал жить свою жизнь.

Я чувствовала тех, кто решил жить для других, лишь бы

не смотреть в свою боль и личную драму.

Все эти чувства и знания обрушились на меня одномоментно, и я поняла, что нужно делать.

Я подскочила, выдернула свои руки и побежала вперед.

Я бежала по коридору в поисках двери с надписью «Мы знаем, как устроен мир».

Наконец я нашла нужную надпись и ворвалась в помещение со словами:

— Я готова. Я знаю, что нужно делать. Я знаю, как можно всем нам помочь, не разрушая собственные тела.

За мной в помещение ворвался Иван. Он остановился у входа и внимательно слушал меня.

Я схватила бумагу и ручку.

Дрожащими руками я нарисовала схему.

Это была схема бытия и реальности.

Сначала в центре появилась точка, затем от неё стали прорастать мысли («кто я?», «для чего я?», «что будет дальше?»).

Мысли, прорастая, создавали собственные мысли и ощущения.

Так появились ответвления, как корни у дерева. Прорастая, мысли набирались глубины, и вопросы усложнялись.

Чем длиннее были отростки, тем больше на них было ответвлений, и каждая мысль возвращала в центр более глубинный ответ на один и тот же вопрос. Так создавался алгоритм поиска ответа — от простого к сложному. И было

замечено, что сложные ответы со временем возвращались к простым.

То есть алгоритм такой: сначала ответ на вопрос звучит просто, по мере развития ответ приобретает глубину и сложную структуру, и по мере дальнейшего развития снова ответ уходит в простоту.

Получается, что всё стремится в начальную точку. Нам не нужно искать какие-то сложные схемы и решения, а просто нужно посмотреть, с чего мы начали, — там и ответы. Они все на поверхности, и мы их знали с самого начала. Но мы так увлеклись поисками глубины, что совершенно не обращали внимания на простые решения, лежащие на поверхности.

— Ева, приведи пример, — взволнованно попросил Иван.

Я взяла новый лист бумаги и нанесла новую схему.

Нарисовала точку в центре.

Затем начала объяснять:

— Точка — это я, Ева. — Подписала точку своим именем.

Нарисовала ответвления. Подписала: «Это мои мысли».

Сколько мыслей, столько линий. Каждая линия рождает ещё множество линий. Это всё мои мысли, ожидания, страхи, не принятые решения. Чем больше сомнений и не принятых решений, тем больше линий и ответвлений. Я рисовала линии и ответвления до тех пор, пока мой лист не превратился в одну большую черную паутину. Это было большое черное пятно размером с весь лист.

Центральная точка исчезла под линиями и ответвления-

ми. Не было видно ничего.

Я отложила ручку и протянула лист Ивану со словами: «Так выглядит наша жизнь сейчас. Очень сложная и запутавшаяся в собственных ответвлениях».

«Мы хотели постичь глубину и мудрость, а по итогу запутались и потерялись».

— И что с этим делать? — спросил Иван.

Я улыбнулась, взяла белый корректор и начала освобождать центр от линий, открыв доступ к точке.

Я снова протянула лист Ивану: «Вот, смотри. Нам нужно попасть в центр. Туда, откуда всё началось. Это точка, момент знакомства сознания с телом человека, с первым его чувством. В этот момент происходит осознавание себя как человека».

«В этот момент не нужны вообще никакие вопросы. Нужно просто дать человеку ощутить все свои чувства и разрешить себе познакомиться со всеми чувствами и ощущениями. Но, находясь в человеческом теле, разум, словно дитя, получившее новую долгожданную игрушку, начинает играть, не замечая ничего вокруг. Так сознание получает свой первый опыт в теле человека. Через время тело накрывает ответная волна от других людей. То есть человек, совершив какой-то поступок, получает ответный поступок от другого человека. Первая пережитая боль может уничтожить человека и его разум. Человек застревает в своей боли и не видит ничего вокруг. Сознание, попав в собственную ловушку, уже

не может ощущать жизнь и включает режим самоуничтожения».

И тут на помощь приходит ум. Ум говорит человеку, что делать, чтобы не умирать. Начинается противостояние ума и разума. Первый пытается сохранить жизнь человека любой ценой, а второй — уничтожить.

Противостояние одного с другим создает колоссальное напряжение. Выброс огромного количества энергии создаёт беспрецедентную ситуацию. Опасная среда для окружающего мира.

Для усмирения данной энергии приходят чистильщики из нижнего мира. Их задача — погасить энергетический огонь. То есть не дать разуму на пару с умом испепелить планету. Один человек безобиден, а если в таком противостоянии будут находиться сотни тысяч людей, то от планеты останется только пепел.

Мне нужно попасть в своё первое воспоминание и осознать его как опыт, а не как травму. Но проблема в том, что я так и не попала в своё самое болезненное воспоминание. Мой ум водил меня вокруг да около в лабиринтах воспоминаний. Я пока не поняла, как мне попасть в точку начала.

Я подняла глаза и посмотрела на коллег Ивана.

Они слушали молча и очень внимательно.

Один из них спросил: «А зачем ты закрасила линии вокруг точки?»

Я удивилась. А как же ещё мне добраться до центра?

Самый молодой коллега Ивана, на вид не больше двадцати лет, с горящими глазами схватил мой лист и вернул все линии на место, почиркав лист поверх корректора.

— Ева, мы можем пойти другим путём. Если ты вспомнишь свои радостные моменты, самые яркие, самые волнительные, самые ценные для тебя, то я смогу перенести тебя в начальную точку.

— Как? — спросил удивленный Иван.

Его коллега улыбнулся, явно довольный собой, и продолжил излагать свои мысли: — Ева, ум стоит на страже. Он тебя не пропустит. Его задача — не дать тебе осознать себя как сознание. Значит, нужно попасть в начало обходным путём.

Ева, когда ты достигнешь состояния радости и умиротворения через самые радостные воспоминания, ум ослабит контроль и потеряет бдительность. Твоя задача — как можно дольше сохранить состояние радости. Это сложно. Постоянно будут включаться старые программы, чтобы вернуть тебя в состояние страданий и нужды.

Если ты сможешь закрепиться в состоянии радости и умиротворения более двух недель, то ум отступит в сторону. Он будет искать способ вернуть тебя в привычное состояние, но ему тогда придётся действовать не привычным для него путём. Он вынужден будет просить помощи у тех, кого сам запер.

То есть он сам откроет доступ к начальной точке. И тут уже будет твой выход, Ева. Сумеешь ты принять свою самую

сильную боль как опыт или снова попадёшь в собственную ловушку? Всё будет зависеть только от тебя.

Я была согласна с каждым словом.

Иван начал ходить по лаборатории. Он явно чем-то был озадачен.

— Что тебя беспокоит? — не выдержав, спросила я у Ивана.

Он резко остановился и спросил: «Ева, а если ты не выберешься? Второй раз может уже так не повезти. И нужно учесть тех, кто всячески мешает тебе».

«Ты еле выбралась из лабиринта, не достигнув цели. А что будет с тобой при виде своей самой страшной боли?»

— Нет, Ева, это слишком рискованно. Я не могу тебя туда отпустить. Ни за что.

Мы даже пробовать не будем.

Давайте искать другой путь.

Но меня было не остановить. Я понимала, что другого пути нет и не будет. Это единственное решение. К тому же я постоянно куда-то проваливалась, теряя связь с реальностью.

— Нет, Иван, это наш единственный путь.

Сегодня я разодрала себе пальцы. А что я сделаю завтра? Что ещё я выкину? А если я кому-то причиню вред?

Нет, Иван, я так больше не хочу. Я рискнула всем ещё тогда, при нашей с тобой первой встрече.

Мне просто нужно подготовиться и всё рассказать родным. Они имеют право знать, что происходит.

Иван кивнул в знак согласия, понимая, что спорить со мной бесполезно.

Я осталась в лаборатории, а Иван ушёл за моими родными.

Через час он вернулся с Данилом.

— А где остальные? — обеспокоенно спросила я.

Даня отвёл глаза и посмотрел на Ивана.

Снова это чувство, подумала я. Снова в воздухе витает ложь. Мне явно что-то недоговаривают.

— Иван, — серьёзным тоном произнесла я. — В чём дело? Я хочу знать.

Иван опустил глаза, затем помолчал и сел.

— Ева, я должен тебе кое-что сказать. Я ждал подходящий момент, но, видимо, такого момента не существует.

Помнишь, как мы только сюда спустились, попали в энергетическую чистку?

— Да, — ответила я.

— Так вот. Там было всё намного хуже, чем ты думаешь. Ты не всё видела. И я постарался оградить тебя от лишних переживаний в данной ситуации.

— Говори! — выпалила я.

— Ева, твой отец… ему совсем худо. Его тело разрывает на части изнутри.

— Но я же говорила с отцом совсем недавно. С ним всё в порядке.

— Нет, Ева, — это не так.

Твой ум сильно контролирует тебя. Он научился очень филигранно обходить острые углы. Он выдаёт желаемое за действительное.

Твой отец так и остался в энерго-комнате.

Его пожирают собственные страхи. Те страхи, к которым ты так безрассудно собираешься сейчас.

Ум твоего отца не смог взять контроль над собственной болью. Его сердце так долго не выдержит.

Я не верила ни единому слову.

— Даня, а ты почему молчишь? Ты же был рядом, и отец всё это время был рядом с мамой. Они постоянно были вместе.

Даня посмотрел на меня: — Нет, Луна, твоя мама всё это время была одна. Мы просто не стали тебя переубеждать.

Я выбежала из лаборатории и помчалась к отцу.

Забежав в помещение, я увидела отца. Он лежал на полу без признаков жизни.

Я села рядом и положила руку ему на грудь. Я не слышала ничего.

«Что же с тобой происходит?» — мысленно спросила я. В ответ услышала один удар сердца.

«Папа, ты мне так отвечаешь?»

«Папа, я могу тебе помочь?» — спросила я снова мысленно. — «Если да, то дай знать одним ударом».

В ответ — тишина.

«А кто-то другой может тебе помочь?»

В ответ я почувствовала удар.

«Папа, это Миша?»

Один удар.

Прекрасно, значит, Миша может папе помочь.

— А где Миша? — спросила я у Дани.

Даня снова опустил глаза.

Я оглянулась и увидела всех на полу.

Папа, Миша и Василиса лежали без признаков жизни. «Не может быть!» — выкрикнула я и подбежала к Мише.

Но как же так? Я же видела их. Я разговаривала с ними. Неужели мой ум на такое способен?

— Иван, что с ними? Почему они не очнулись?

Иван тихо прошептал: — Ева, я не знаю, что с ними. Такого ещё не было.

Я вспомнила про свой дневник.

Села на пол около Миши и открыла последнюю прочитанную страницу.

Нового текста не было.

Я посмотрела на Даню, и моё сердце забилось ещё сильнее. Меня пронзила дикая боль.

Я не могу дышать. Моё горло что-то сдавило.

Посмотрев по сторонам, я увидела лежащих на полу всех, кого я знала.

Вокруг меня лежали тела самых дорогих мне людей: папа, мама, Даня, Миша, Василиса, Иван. Они все лежали без признаков жизни.

Мою шею продолжало что-то сдавливать. Я чувствовала чьи-то руки на своей шее и зловонное дыхание. Постепенно я стала видеть образ человека, который склонился надо мной и душил. Пальцами сдавливая мне гортань, он бормотал «Я не виноват. Она сама виновата. Не надо было говорить со мной. Можно было просто пройти мимо своей дорогой. Она сама виновата. Она сама напросилась. Это она виновата. Я ни при чём. Если бы она прошла мимо, то сейчас была бы дома со своими спиногрызами. А теперь придётся убить и их, чтоб не мучились, дожидаясь свою мамку. Я не виноват. Я не виноват. Постепенно слова звучали всё дальше и дальше, пока совсем не стихли.

Горло больше не сдавливало. Дыхание восстановилось. Но я не могла открыть глаза. Сковавший страх овладел моим телом. Я долго уговаривала себя открыть глаза, но мне было так страшно. Я не хотела видеть то, что там произошло. Я не хотела знать, что случилось. Переборов себя, я всё-таки нашла силы и открыла глаза.

Привычная мне темнота. Я вздохнула с облегчением и произнесла вслух: «Не так уж и плохо. Ничего такого, чего я не видела раньше».

Страх стал постепенно уходить, а с ним и боль, и чувство вины, и уныние, и никчёмность. Я сидела молча в темноте. Мне было неинтересно, где я нахожусь и как мне выбраться из этой темноты.

Темнота оказалась прекрасным инструментом для осо-

знавания себя. Я, не отвлекаясь ни на что, могла сидеть и наблюдать за своими чувствами и ощущениями. В какой-то момент я заметила новое чувство. То чувство, которое я ощутила вторым после боли. Сейчас я способна определить его. Это чувство называется «достоинство». Мне понадобилось очень много времени и боли, чтобы распознать достоинство.

Невероятно мощное, но при этом тихое и спокойное. Оно даёт опору и связь с источником. Достоинство — это мост между телом и сознанием человека.

Чувство, которое не кричит, не требует, не обещает и не наносит раны.

Я сидела, ощущая достоинство в полной мере. Я чувствовала боль, но это не мешало мне чувствовать все остальные чувства. Мой ум молчал, а я сидела и просто наблюдала за тем, что происходит внутри меня.

Яркий свет заставил меня открыть глаза. Оказалось, я была без сознания. Яркий свет оказался лампой, направленной мне прямо в лицо.

Надо мной склонился Иван и его коллеги.

Они что-то делали с моим лицом.

Иван резко всех остановил со словами: «Тихо, Ева очнулась».

Все отошли на пару шагов в сторону. Я приподнялась на локтях и оглянулась. Моих родных нигде не было.

«Неужели это правда?» — пробормотала я себе под нос.

Кто-то отвернул лампу от моего лица, и я смогла получше

рассмотреть, что происходит.

Иван смотрел на меня молча.

А я смотрела на него, не задавая вопросов. Первый раз в жизни мне не хотелось ничего выяснять, сопоставлять и искать ответы.

Да, я, конечно же, переживала за своих близких. За крайние полгода я уяснила, что от моей беготни ничего не меняется в лучшую сторону. Всё живёт своей жизнью, и я не могу ни на что повлиять.

Даже своим близким я не в состоянии помочь.

Я легла на пол и закрыла глаза. Медленный вдох и выдох. Восстанавливалось дыхание и способность реагировать на внешние раздражители.

Наблюдая за своим дыханием, я почувствовала, как расслабляется каждая мышца в теле. Как уходит напряжение. Руки и ноги ощущаются как пластилин.

Только лицо оставалось в напряжении.

Моё лицо существовало отдельно от меня и от тела. Оно решило бунтовать и отделилось от всех. Мне было интересно наблюдать за детским бунтом.

Зажатая челюсть и напряжение в губах говорили о том, что я до жути боюсь открывать рот.

Вот она, моя болевая точка — это мой рот.

Страх живёт в шее, челюсти и губах.

Губы сразу выдают напряжение, нужно только обратить внимание на них. Никакой магии, базовые знания и наблю-

дательность.

«Хорошо, я нашла свою точку. И что мне с этим делать?» — произнесла я шёпотом вопрос.

Теперь моё внимание сосредоточилось на губах и челюсти.

Я продолжала медленно дышать.

Вдох и выдох. Постепенно моё лицо начало терять свои позиции. Челюсть чуть расслабилась. Я переключилась полностью на губы.

Медленный вдох и выдох. Вдох и выдох.

Губы стояли на страже своих границ и не собирались сдаваться.

Я направила внимание в грудь и продолжила медленно дышать.

Открыв глаза, я увидела яркое солнце. Видимо, я снова уснула, объяснила я себе перемены.

Я лежала на пляже. На мне купальник. Тело белое, как сметана. Солнце полуденное и обжигающее.

Я лежу на покрывале. На пляже я одна, вокруг ни одной живой души.

Я поднялась и осмотрелась.

Рядом лежала одежда и сумка.

Одевшись, я принялась изучать содержимое сумки.

Ключи, помада, расчёска, ещё одни ключи. Банковская карта. Жвачка, снова ключи и паспорт.

Я открыла паспорт: «Потёмкин Николай Иванович, 1956

года рождения. Родился в г. Припять. Женат не был».

— Чей это паспорт? — спросила я вслух.

Для чего я здесь?

На всякий случай я пощупала руками грудь. Грудь есть. Значит, я не Потёмкин Николай. На всякий случай проверила пах. Двойное подтверждение, что я не Николай, получено.

Я снова открыла сумку и более тщательно стала перебирать содержимое.

В кармашке лежал свернутый маленький лист. Я развернула его.

«Луна, мы ждём тебя на причале в девять утра. Не опаздывай и захвати купальник».

И где же здесь причал? Я поднялась на холм и увидела вдалеке что-то напоминающее причал.

Я медленно шла вдоль берега, наслаждаясь теплой водой под ногами.

Чувствовала я себя прекрасно. Мои челюсть и губы были расслаблены.

Никакого напряжения.

И что же этому способствовало? — спросила я тихо. Что помогло расслабить губы? Невероятно, ведь я ничего не сделала для этого.

Не получать ответы я привыкла. А вот перемещаться из одного события в другое я никак не привыкну.

Судя по солнцу, уже полдень, но я всё равно решила проверить причал. Это единственная моя зацепка в текущем

воспоминании.

Я прошла по причалу и остановилась у самого края. Села на бетонное основание и закрыла глаза. Морской ветер играл с моими волосами. Я наслаждалась запахом моря, шумом волн и пением чаек.

Голос сзади нежно прошептал: — Луна, здравствуй. Ты опоздала. Они уже уехали. Долго ждали тебя и, не дождавшись, укатили на всех парусах.

Я решил дождаться тебя. Был уверен, что ты обязательно придёшь.

Мужчина сел рядом, также свесив ноги.

Это был Семён. Выглядел немного иначе, но это точно был Семён.

Это был новый Семён, лёгкий, непринуждённый и радостный. Новый Семён с лёгкостью уселся на бетон в белых брюках.

Мы молча болтали ногами и наслаждались моментом.

Семён посмотрел на меня и заговорил.

— Луна, ты изменила мою жизнь. В ту ночь, ворвавшись в мой дом, ты полностью перевернула моё представление о том, кто я и что могу чувствовать.

— Луна, у меня завтра свадьба. Я встретил ту самую.

Жаль, что ты не можешь быть со мной рядом в такой важный для меня момент.

Я прочитал те две книги. И самое поразительное, первая книга теперь моя любимая.

— И моя тоже, — добавила я с нежностью.

— Луна, самое поразительное, что поначалу то, что ты мне прочла из книги, мне показалось ерундой, на которую я не собирался тратить своё время.

А после лежания на мокрой траве я подумал, что моя жизнь слишком предсказуема и скучна. Для меня важны были люди, точнее их мнение обо мне. А я сам себе был неинтересен, оттого и нелюбовь к занятиям, которых никто не оценит.

Я прочёл сначала вторую книгу про девушку в лесу. Она мне очень понравилась.

Первую книгу решил прочесть только потому, что пообещал тебе.

Магия началась с десятой страницы. Я не мог оторваться от книги. Даже спать не пошёл. К утру я был доволен и восхищён. Поразительная и очень глубокая книга. Я словно по-новому увидел мир и окружающих меня людей.

Я понял, где прожигаю жизнь и где поддаюсь чужому влиянию. Я увидел всё своё окружение, всю безнадёжность моего общения. Я увидел всю бесполезность и бестолковость своей жизни.

С умным и важным видом я прожигал состояние своей семьи.

С того самого дня, как ты ворвалась в мою жизнь, всё изменилось.

— Луна, ты показала мне, как может быть по-другому.

И я воспользовался шансом, изменив себя до неузнаваемости.

Я полностью изменил подход к жизни.

Книги стали для меня лучшим решением. Библиотека — это самое ценное наследство, доставшееся мне от моих предков.

Оказывается, в нашей семейной библиотеке есть книги очень редкие и дорогие. А они просто стоят на полке, как и все остальные. В этом тоже есть своя магия. Каждая книга уникальна по-своему. В каждой из них есть глубина и мудрость.

Мой дед всё свободное время проводил за книгами. Его не интересовала ни политика, ни наука. Он изучал себя через книги.

Дед любил говорить: «Не человек создал мир, а мир создал человека».

Я долго не мог понять, что значит данная фраза. Она постоянно вертелась у меня в голове. И однажды, читая книгу с верхнего ряда, я прочёл эту фразу.

В полном тексте она звучала так: «Как бы человек ни старался изменить мир, он может изменить только себя, а мир останется прежним».

С этого момента я всё больше времени проводил в библиотеке.

Книги стали со мной разговаривать. Я всегда находил ответы в очередной новой книге.

— Луна, теперь я разделяю твой восторг. Я благодарен тебе за любовь к книгам.

Моя невеста не читает книг. И знаешь, что самое поразительное для меня? Мне это неважно. Я просто люблю её и всё.

Я с восхищением слушала Семёна. Этот человек вызывал во мне бурю чувств и эмоций.

Вдалеке показалось пятно.

Семён указал пальцем на него и сказал: «Катер возвращается».

Через четверть часа на пристани стало многолюдно.

Меня окружила толпа людей. Каждый пытался что-то спросить.

Я не понимала, что происходит и что от меня хотят все эти люди.

Семён куда-то запропастился, и я осталась одна.

Кто-то из толпы потянул меня за руку. Я не стала сопротивляться и последовала за рукой.

Я оказалась на маленьком катере, быстро отплывающем от пристани.

За штурвалом стоял Даня.

Он улыбнулся мне и сказал: «И что бы ты без меня делала? Я как раз вовремя подоспел».

Я с облегчением кивнула.

— Даня, а что им от меня надо?

— Луна, ты серьёзно? Как это, что им от тебя нужно?

Естественно, одного. Им нужны ответы. А так как у тебя есть ответы, то ничего другого люди не смогли придумать, как преследовать тебя. Дабы ты им облегчила жизнь.

— Что за бред! — возразила я Данилу.

— Да какой же это бред? Ты самый известный прорицатель в мире. Все твои предсказания сбылись. Ни одного промаха. Вот люди теперь за тобой и бегают, в надежде найти ответы на свои вопросы.

— Куда мы едем? — спросила я, пытаясь сменить тему. Мне было очень неприятно слушать всё, что говорил Даня.

Я так злилась на себя, на тех людей на пристани, на саму жизнь.

Я села и обхватила голову руками.

Как же так? Зачем им я? Ведь они сами должны искать ответы, а не бегать за мной. Ведь ответ зависит от внутреннего состояния и наполнения человека. При чём тут я? Только они сами могут себе помочь. А я их проведу по моему пути, а им нужно идти по своей дороге.

Сдавило грудь. Сердце начало бешено колотиться. Стало тяжело дышать. Руки тряслись.

Я сжала зубы до скрипа. Челюсть дрожала. Боль в области лопаток и поясницы.

Виски пульсировали. Я почувствовала руку на своих плечах.

— Луна, не бойся. Всё в порядке. Мы уже далеко. Больше они тебя не побеспокоят.

Даня прижал меня к груди и не отпускал до тех пор, пока я не успокоилась.

Отпустив меня, он серьёзным голосом сказал: «Луна, ты должна быть осторожной. Твои приступы становятся всё чаще и сильнее.

Ты же знаешь, как на тебя влияет толпа людей. Зачем ты пришла на пристань во время прибытия корабля? Ты ведь понимаешь, что тебя тут все знают.

А если бы меня не оказалось рядом? Что бы с тобой произошло?»

Я посмотрела на Данила и сказала: «Так что мне теперь, спрятаться в лесу от людей только потому, что мои приступы участились?»

Даня молчал.

А я с трудом скрывала свою нарастающую злость на людей на пристани.

Беспородные, бестактные и ленивые люди. Им подавай готовые решения, чтобы было потом кого обвинить, если им не понравится результат. Им вечно подавай готовые решения. И что потом? Потом они обвинят тебя в собственных неудачах. Им выгодно искать ответы на стороне, чтобы было кого обвинить впоследствии.

Пора бы людям уже повзрослеть и учиться самим решать свои вопросы, а не ждать помощи от других, чтобы найти виноватых.

Я так злилась. Сама себя не узнавала.

Безудержная злость овладела мной.

Я злилась на толпу людей на причале, вспоминая их вопросы.

Они спрашивали, что им делать? Как жить дальше? Где взять денег? Как вылечить маму, папу, ребёнка?

Все эти вопросы не имели ко мне никакого отношения. Так какого чёрта все эти люди тратили своё драгоценное время на расспросы? Бессмысленно потраченное время. Я так злилась на себя.

Когда же я дала людям ложную надежду? Что же я сделала не так? Где я ошиблась и позволила так обвести себя вокруг пальца?

Все эти люди — жертвы маркетинга и средств массовой информации. Все они где-то услышали ложь, в которую слепо поверили. И эта вера повела их по ложному пути.

Кто-то намеренно создаёт ложную веру, чтобы люди сбивались с пути.

Я вздохнула, встала на ноги и подошла к Дане.

— Куда мы едем? — спросила я у Дани.

— Домой.

Куда же ещё? — с улыбкой добавил Данил.

— Луна, с тобой всё в порядке? Ты задаёшь странные вопросы.

Ты же прекрасно знаешь, где мы живём и куда едем.

Я пожала плечами и села обратно.

Я молчала всю оставшуюся дорогу.

Когда мы причалили и сошли на берег, я немного растерялась.

Ко мне подбежали дети и набросились на меня с объятиями.

Я услышала: «Мама». И мои губы задрожали.

Я мама? Это мои дети? Я попала в будущее? Или это воображаемое будущее?

Очень трогательный момент объятий.

Мы зашли в дом.

Красивый, очень уютный, небольшой дом на берегу моря.

Нам навстречу вышли Василиса и мама.

— Луна, ну наконец-то. Мы уже заждались, — воскликнула мама, хлопоча в гостиной.

Василиса подошла ко мне, пристально посмотрела на меня, затем на Даню и тихо сказала: — Опять приступ?

Даня кивнул.

— Луна, девочка, ты совсем себя не бережёшь. Я же тебе говорила тысячу раз: избегай людей. Ты не можешь находиться рядом с ними. Они как червяки: сожрут тебя и сами не заметят. Ты же понимаешь, как сильно рискуешь каждый раз, выезжая в город.

Ты не можешь быть рядом с людьми, пора бы тебе с этим смириться.

Василиса взяла меня за руку и повела на кухню. Она заварила мне чай с травами, усадила на стул и села напротив.

— Луна, я же не просто вредничаю. Я вижу, как твои силы

покидают тебя каждый раз, когда ты позволяешь себя окружить толпе людей. Ты даже не представляешь, чем всё может закончиться.

Человек в отчаянии способен на безумные поступки. А если он считает, что ты можешь ему помочь, но почему-то отказываешься, значит, ты становишься виноватой в его несчастьях. И автоматически становишься причиной всех его бед и несчастий.

Луна, ты же знаешь, как сильно мы все тебя любим и переживаем каждый раз, когда ты выходишь из дома.

А дети? Что будет с ними, если с тобой что-нибудь случится?

Я слушала молча. С каждым новым словом и глотком чая я отдалялась от Василисы. Её речь слышалась всё дальше и дальше, пока не пропала вовсе.

Снова темнота и тишина.

Только я и больше ничего.

Значит, я по непонятным стечениям обстоятельств стала известной личностью, что сыграло со мной злую шутку. Я не могу выносить толпу требующих людей. В результате мне приходится вести уединённый образ жизни.

«Такая себе жизнь у меня», — подумала я и куда-то понеслась сквозь время и пространство.

Теперь я сижу в кресле. Стоматологическом кресле. Надо мной склонился огромный мужчина с пинцетом.

«Как он держит инструменты такими толстыми пальца-

ми?» — это первая мысль, пришедшая мне в голову.

Я сама себе улыбнулась и переключилась на ощущения.

Мне не страшно и не больно.

Врач молчит. Он занят моим ртом.

Через час я вышла из кабинета стоматолога. В приёмной меня ждала Василиса.

— Луна, как себя чувствуешь?

— Хорошо, — ответила я.

Василиса смотрела на меня с тревогой.

— Всё хорошо, не беспокойся, — пыталась я успокоить подругу.

В ответ она стала ещё более тревожной.

Василиса остановилась: — Луна, ты что, совсем ничего не видишь или не хочешь видеть? Я тебя не узнаю. Что с тобой происходит?

Зачем ты вообще пошла к врачу? Ты же знаешь, как они тебе вредят.

Я с искренним удивлением посмотрела на Василису, затем стала на свою защиту.

— А что мне было делать с ноющим зубом? Он что, сам себя должен был вылечить? — съязвила я от таких нападок.

Василиса опустила глаза: — Ты права. Зуб сам себя не вылечит.

К машине мы шли молча.

Я мысленно пыталась понять, что вообще тут происходит.

Василиса села за руль, чему я очень обрадовалась.

Нива мчалась по трассе. Мы ехали за город. Через пару часов мы съехали с трассы и остановились на развилке.

Василиса заглушила мотор и попросила меня выйти.

Мы вышли из машины и пошли куда-то пешком.

— Василиса, ты бросила машину прямо посреди дороги. Почему не съехала на обочину?

Василиса заговорщически улыбнулась и дала понять, что у неё всё под контролем.

Мы медленно шли по лесной тропе.

Для меня происходящее выглядело довольно странно. Буквально через минут двадцать мы вышли на опушку леса. На другой стороне стоял дом. Привычная для меня уже картина.

Из трубы шёл дым.

Неспешной походкой мы продолжали идти в направлении дома.

Василиса резко остановилась и повернулась к дому спиной. Она взяла меня за руку. Луна, то, что ты сейчас увидишь, может сильно напугать. Я хочу, чтобы ты знала, что мы все тебя очень любим и хотим тебе помочь. Ни у кого нет желания тебе навредить. Всё, что мы делаем, направлено на твоё спасение.

Она обняла меня, развернулась и уверенным шагом поднялась по ступенькам.

После таких слов я поняла, что меня ждёт что-то нехорошее. Мне не привыкать. Чего я только не видела.

Ускорив шаг без доли сомнений, я шла той же твердой походкой, что и моя подруга.

Василиса открыла дверь и пропустила меня вперед. Затем вдогонку добавила, что она подождёт меня снаружи.

Это был обычный дом, похожий на наше недавнее убежище в лесу.

В доме пахло пирогами, как у мамы.

Я села в кресло и расслабилась.

Через пару минут ручка входной двери опустилась, и в дом вошёл мужчина.

Очень высокий и угрюмый. Он подошёл к печи. Резким движением достал пироги со словами: «Как раз вовремя».

Затем повернулся ко мне и расплылся в улыбке.

В доме сразу посветлело и стало тепло.

— Здравствуй, Луна, ты как раз успела к ужину. Сегодня на ужин пироги с черникой и ежевикой.

Я их обожаю. Они вкусные и весёлые. Синий язык выглядит довольно забавно.

Мужчина подошёл ко мне и протянул руку: «Я твой хранитель, Гай».

«Знавала я одного Гая», — вспомнила я про себя.

Вслух произнесла: «Приятно познакомиться».

— А мне как приятно, Луна. Ты даже не представляешь.

Мы ели пироги, запивая их чаем с травами.

Я ждала в чае подвоха, но ничего подобного не произошло. Моё сознание было в норме.

После ужина Гай дурачился, как ребёнок. Он корчил рожицы и демонстрировал свой сине-фиолетовый язык.

Я тоже включилась в игру.

Мы корчили рожицы друг другу до тех пор, пока я не начала замечать изменения в его внешности. Мне начало мерещиться, как Гай превращался в какую-то тварь, всего на мгновенье. Невозможно было рассмотреть, что это за тварь. Но я её видела. И с каждым новым вздохом тварь становилась более заметной.

Веселье прекратилось.

Передо мной возвышалась тварь.

Выше меня на голову, мерзкая, зловонная тварь.

Она смотрела на меня. И явно ждала от меня каких-то действий.

Я смотрела на неё без страха, без злобы.

Тварь явно пришла из нижнего мира. Этот запах я ни с чем не спутаю.

Я прекрасно понимала, что она мне не причинит зла, если я сама не буду её провоцировать.

Я села за стол, взяла в руку кусок пирога и откусила его.

Затем я взяла второй кусок и протянула твари.

В ответ тварь нервно схватила кусок и уселась за стол напротив меня.

Я налила нам чай и протянула ей чашку.

«Чудная картина», — подумала я и улыбнулась.

Мы с тварью чаевничаем.

Не в силах сдержаться, я расхохоталась.

Тварь растерялась, затем изобразила нечто, похожее на смех.

Через несколько попыток тварь смеялась как человек.

Мы вдвоём хохотали, показывая друг другу синие языки и корча рожицы.

Перед рожицами твари у меня не было шансов, и её это явно забавляло.

Когда силы закончились, мы притихли.

Чай был выпит, пироги были съедены.

Мы сидели молча, не отводя друг от друга взгляд.

Гай вернулся. Он продолжал молча смотреть мне в глаза, а я ему.

Я начала чувствовать его мысли.

«Луна, у тебя огромное и доброе сердце», — говорили глаза Гая.

Со мной разговаривали его глаза.

Я отвечала ему также взглядом: «А как иначе? Что ещё можно было сделать? Только пить вместе чай».

Дальше Гай заговорил.

— Луна, я очень переживал и боялся за тебя. Но ты не из робкого десятка. Усмирить собственного монстра не так-то просто.

Обычно такая попытка плохо заканчивается.

Но не с тобой. Ты не просто его усмирила, но и научила смеяться. Поразительная метаморфоза.

Гай ещё немного поговорил со мной на отстранённые темы и сказал, что мне пора уходить.

Я попрощалась и вышла на улицу.

Василиса сидела на ступеньках.

Она подскочила, увидев меня, и бросилась обниматься.

— Луна, слава богам, ты в порядке.

— Цела и невредима.

— Идём, надо отпраздновать твою победу над собственным невежеством.

Нива стояла там же, где мы её и оставили.

Василиса давила на педаль газа. Мы мчались по пустынному, ночному городу.

Подъехав к дверям пятиэтажного здания, Василиса сообщила, что дальше мне придется идти одной.

Я вышла и поднялась по ступенькам.

Открыла зелёную дверь и вошла внутрь.

Яркий свет ослепил меня. Чуть привыкнув, я начала различать силуэты людей.

Я медленно шла вперед.

Когда глаза привыкли к свету, я смогла разглядеть, где нахожусь.

Это было приёмное отделение больницы.

Я села на стул и стала наблюдать за происходящим.

Я вспомнила слова Василисы, когда та отчитывала меня за поход к стоматологу, а впоследствии сама привезла меня в больницу.

Для больницы тут было довольно тихо.

Всего пара человек сидели в приёмной: парень с пожилой женщиной и женщина с ребёнком.

Я заметала нечто странное в их поведении. Они все сидели, опустив глаза в пол. Никто из них ни разу не взглянул на меня.

Я подошла к женщине с ребёнком и села рядом.

Посмотрев на неё, я тихо спросила: «Вы крайняя? Тут очередь?»

Женщина растерялась, заёрзала на стуле и ничего не ответила.

Малыш посмотрел на меня с любопытством, затем ответил: «Какая очередь? Глупенькая. Тебя вызовут. Просто сиди и жди, как все остальные».

Малыш и опустил глаза, потеряв ко мне интерес.

«Ого», — подумала я. Хорошо меня осадил ребёнок.

Я села на место, дожидаясь, сама не зная чего.

Меня вызвали последней.

Я зашла в кабинет с красной дверью и села на стул.

Мужчина, одетый в мантию, обошёл меня по кругу несколько раз. Затем сел за стол и начал что-то писать, бормоча себе под нос еле различимые слова:

— Она не готова. Слишком тощая. Слишком сутулая. Слишком молодая. Слишком мелкая.

В конце он поставил печать на бланк.

«Не подходит» — синяя печать красовалась посередине

листа.

Мужчина вручил мне документ и выставил за дверь.

Я вышла на улицу.

В машине сидела Василиса.

Я села рядом и передала ей бумагу с печатью «Не подходит».

Она прочла и рассмеялась.

— Вот гады. Как же они достали своей чопорностью и бесхребетностью. Так боятся за свои шкуры, что готовы поступиться собственной моралью.

Пока мы ехали, Василиса изливала накопившееся напряжение.

Я совершенно ничего не понимала. Я научилась жить, не задавая вопросов, поэтому сидела спокойно, не вовлекаясь в эмоциональный фон подруги.

Мы снова остановились на пороге того же здания. Сделав круг, мы вернулись назад.

На этот раз Василиса зашла в здание вместе со мной.

В приёмной кроме нас никого не было.

Мы подождали, пока вызовут Василису. Она взяла меня за руку и потянула за собой.

Мы вошли в тот же кабинет с красной дверью.

Мужчина было открыл рот, но Василиса заткнула его, не дав проронить ни звука.

Она швырнула документ на стол.

Я никогда не видела Василису такой разъяренной.

— Объясните мне, на каких основаниях тут стоит запрет?

Мужчина растерялся, взял себя в руки и железным тоном произнёс: «Я не обязан ни перед кем отчитываться. Покиньте мой кабинет».

— А вот и нет, — парировала Василиса. — Ещё как обязан. Ты что, думал, можешь вот так безнаказанно лишать людей жизни, когда тебе вздумается? Основания? Какие на это были основания? Быстро отвечай.

Мужчина замешкался, затем выпалил:

— Вон из моего кабинета, обе. И чтобы я вас больше не видел».

Василиса схватила документ и выбежала в коридор, на ходу увлекая меня за собой.

Она подбежала к регистратуре со словами: «Я хочу видеть директора».

Девушка в ответ закашлялась. — Что? Простите, видеть главного? Это невозможно.

Василиса не сдавалась: «Это моё право, и я хочу им воспользоваться. Не сдвинусь с этого места, пока не увижу главного».

Девушка скрылась за красной дверью. Вернулась она вместе с поддержкой.

Мужичок в мантии был в бешенстве. Он с трудом сдерживался. Взял документы и скрылся за дверью своего кабинета вместе с девушкой.

Через пару минут девушка вернулась с новыми бумагами.

Она осторожно протянула Василисе бумаги. Затем прошептала: «Пожалуйста, уходите, пока он не передумал».

На документах стояла новая печать: «К службе пригодна».

Василиса была явно довольна результатом. Мы вышли на улицу, и только теперь я заметила, как трясутся руки подруги. Она села на ступеньки, вздохнула и прошептала: «Вот это ночка. Нам очень повезло. Теперь можно спокойно двигаться дальше. Больше ни один гад не посмеет тебя тронуть.

А если и посмеет, то ему не поздоровится.

Луна, теперь ты под официальной защитой. И ни одна тварь не имеет права тебя трогать без официально подтверждённого запроса».

Итак, с этим мы разобрались.

Теперь едем ещё на одну встречу. Тебе нужно много чего успеть сделать, пока ты здесь.

Василиса выглядела очень довольной.

Мы подъехали к обычному многоквартирному дому.

Поднялись по лестнице на восьмой этаж. Я предпочла не задавать вопросов.

Василиса, глубоко вздохнув, позвонила в звонок.

Дверь открыла молодая девушка и вопросительно посмотрела.

— Он дома? — с раздражением спросила Василиса, давая понять, что намерена разговаривать с другим человеком.

Девушка молча развернулась и скрылась в квартире, захлопнув дверь прямо перед нашим носом.

Из дверей высунулась голова пожилого мужчины: — Чем могу помочь? — спросил он, разглядывая нас.

— Ты что, сдурел? — накинулась на мужчину Василиса. — Ослеп, что ли?

— Узнаю этот дивный голос. Василиса, душечка, не признал тебя сразу. Мы столько лет не виделись. Я не ожидал тебя увидеть у себя на пороге.

Мы расположились в гостиной.

Молодая особа нехотя суетилась вокруг нас.

Мужичок развалился в кресле, Василиса и я — на диване.

— Василиса, у тебя что-то случилось? — с заботой поинтересовался мужичок.

— И да, и нет, — задумчиво ответила Василиса. — Помощь нужна не мне, а очень дорогому мне человеку. — И она показала жестом на меня.

Мужичок встал, снял с шеи ключ и открыл небольшой сундучок. Он достал очки, покрутил их в руках и надел.

— Давненько я их не надевал, — со вздохом пробормотал мужичок.

— А что так? — спросила Василиса. — Тебя уволили?

— Да нет, — ответил расстроенный мужичок. — Просто нет надобности больше в них. Народ нынче без глубины. Совершенно неинтересная и заурядная энергоструктура. После тебя, Василиса, у меня больше не было ничего интересного.

Мужичок смотрел на меня и крутил бегунки на дужке очков.

— Так, ага, вижу. Ещё немного, и я с вами со настроюсь.

— Вау, — воскликнул мужичок. — Василиса, кто она? Это невероятно! Первый раз вижу такое. Василиса, ты уж прости, но она обскакала тебя далеко в глубину.

Василиса довольным голосом ответила: — Я знаю. Луна намного круче меня.

— Ты сказала Луна? Её зовут Луна? Почему ты мне сразу не сказала?

Мужичок изменился в лице. Трясущимися руками он снял очки и спрятал их под замок.

— Вам лучше уйти, — сказал он ледяным голосом.

— Ты тоже им продался, — ответила ему расстроенная Василиса. И добавила: — Ну что ж, поделаешь — это твой выбор, и тебе с этим жить. Твоя совесть будет тебе судьей.

Напоследок Василиса обняла мужичка, чем вызвала моё недоумение. Он её выставил за порог, а она его ещё обнимает.

Мы вышли на улицу и сели в машину.

Василиса завела мотор и положила мне на колени сундучок и ключ.

Я расхохоталась: — Как тебе это удалось? Василиса, ты меня удивляешь.

— Я много чего умею. Жизнь длинная. Навыков много приобретено.

Я поняла, что Василиса всё спланировала с самого начала.

Ей нужны были очки, и она обвела вокруг носа мужичка, филигранно сыграв на его чувствах.

Луна, тебе нужны эти очки.

Мне кажется, они созданы для тебя.

Этому болвану они всё равно ни к чему.

Надень их, и всё поймёшь.

Я открыла сундучок и достала очки.

Василиса предупредила: «Луна, только не крути бегунки. Они сейчас как раз настроены под тебя».

Я надела очки. Темно. Через них ничего не было видно.

— Василиса, они неисправны. В них чернота.

— Немного терпения, Луна, — тихо произнесла Василиса.

Постепенно я начала видеть мелкие частицы, похожие на песок.

Василиса в очках выглядела как песчаный человек.

Затем я посмотрела на свои пальцы. Они тоже состояли из песка. Двигая пальцами, песчинки рассыпались и снова собирались в привычную форму.

Машина, дорога, небо — всё состояло из песчинок.

Привыкнув к песчаному миру, я начала различать цвета.

Василиса светилась ярко-фиолетовым цветом, пальцы рук излучали розовое свечение. Машина светилась белым светом.

Мои пальцы светились разноцветными огнями. Песчинки перемешивались, соединяясь в фигуры и символы, и снова

перемешивались. Мне показалось, что так со мной разговаривали мои руки.

Ещё через время я начала видеть силуэты. Полупрозрачные, еле заметные.

Силуэты людей, существ. Огромное количество существ разной плотности и разного цвета.

Дальше я начала видеть линии, тянущиеся от одних к другим.

Моя реальность уплотнялась и усложнялась с каждой минутой.

— Ого, — воскликнула я вслух.

— Василиса, если всё это видеть, то можно сойти с ума.

— Так и есть, — согласилась со мной подруга.

— Не каждый способен выдержать эти очки, мой друг был единственным, кто мог их носить. Теперь и ты можешь.

— Василиса, а ты надевала очки?

— Нет, конечно нет! Луна, я не выдержу их.

— А для чего они мне? И твоему другу для чего они были нужны? В чём их задача?

— А это самое интересное, — с улыбкой ответила Василиса.

Мой друг с их помощью проверял новобранцев. Проверял энергетику и искал исключения. То есть его настоящая задача — это находить не таких, как все.

Так я с ним и познакомилась. У нас состоялся небольшой роман, — с улыбкой добавила Василиса. — Тогда-то я

и узнала от него деликатные подробности.

Все, кого он выявлял, куда-то бесследно исчезали.

Он влюбился и не мог допустить, чтобы со мной что-то случилось.

От него я узнала про другой мир: про то, что мы совершенно не знаем, как жить, и что всех нас водят за нос.

Я очень надеюсь, что он никому не скажет о пропаже очков и вторые такие не попадут ему в руки.

— Василиса, мне кажется, я знаю, по какой причине очки пылились у него под замком, — сказала я.

— Говори, — Василиса резко повернулась и с интересом посмотрела на меня.

— Я знаю, что души пропадают. Наш мир кто-то целенаправленно уничтожает. Видимо, больше некого искать.

Все иные, видимо, давно пойманы. И в очках пропала надобность.

Василиса остановила машину. Она сидела молча, затем трясущимся голосом начала изливать свои опасения.

Луна, мне кажется, я совершила роковую ошибку. Мой друг видел твою энергоструктуру, и если он кому-нибудь проболтается про тебя, начнётся охота на официальном уровне. И документ, который мы сегодня заполучили, не будет иметь никакого значения.

Что же я натворила? И что теперь будет?

Василиса выглядела растерянной и напуганной.

Я взяла её за руку и попыталась приободрить. «Всё будет

хорошо, — сказала я. — Не переживай. Главное, мы вместе. И в этом наша сила. Никто не сможет у нас отнять друг друга».

Василиса взяла себя в руки. «Луна, ты права. Что это я вдруг так расклеилась? На меня это не похоже. Что-то здесь не так. Мне кажется, мой друг меня перехитрил».

— Луна, где сундук из-под очков?

Я достала с заднего сиденья сундучок и протянула его Василисе.

Она открыла сундук — внутри ничего. Затем стала внимательно простукивать его в поисках тайника — тоже ничего.

Я надела очки и внимательно посмотрела на сундук. Постепенно перед глазами появлялся слой за слоем. Когда я увидела многослойную энергоструктуру, стало понятно, в чём дело.

— Василиса! — выкрикнула я. — Нам срочно нужно к реке. Гони быстро, насколько можешь.

На мосту мы оказались через семь минут. Я бросила сундук в воду.

Это сработало. Сундук перестал издавать сигнал.

— Что это было? — не выдержав, спросила Василиса.

Не отрывая взгляд от глади воды, я рассказала, в чём дело.

— Сундук излучал сигнал. Василиса, твой друг привязал к тебе сундук, который качал твою жизненную силу.

Как только сундук опустился на дно, привязка исчезла.

Как и сигнал.

«Вот хитрец. Обвёл меня вокруг пальца. А я и не заметила подвох».

— Зато у нас есть очки! — радостно воскликнула я.

У Василисы резко улучшилось настроение. Подъём сил и бодрости. В голове только положительные мысли и воодушевление.

Всё это она почувствовала одномоментно.

— Ого! — сказала я вслух. — Я и не подозревала, что на наше настроение может кто-то так сильно повлиять.

Уныние, безнадёжность, страх и тревога — Василиса, это то, что тебя беспокоило ещё двадцать минут назад.

Так я поняла, что человек не всегда является самим собой, и поступки не всегда его собственные.

Мы приехали на набережную. Нашли лавочку прямо у воды и с радостью расположились на ней.

Мы сняли обувь, сели на лавку и закрыли глаза.

Василиса рассказывала о временах своей молодости. Её голос отдалился и постепенно пропал.

Тишина, только пение птиц. Я расслаблялась всё больше и больше. Птицы пели, сменяя стиль и интонацию.

Через время и птицы затихли.

Я не спешила открывать глаза. Мне так нравилось сидеть на лавке с подругой.

Расслабленная, спокойная, умиротворённая.

Я всё-таки открыла глаза и мгновенно окунулась в самую

гущу событий.

Меня несла волна. Моя лодка билась о камни. Я с трудом держалась за бок лодки. Бурная река несла меня вперёд.

Я прекрасно понимала: впереди меня ждёт водопад.

Я отпустила борт лодки и села по центру.

Затем закрыла глаза и произнесла: «Падать, так падать».

Я летела вниз, не открывая глаз, смиренно принимая всё, что происходит.

Очнулась я на берегу реки, лёжа на покрывале. На мне надет купальник. Рядом лежит сумка. Вокруг никого. Только пляж, море и я.

Мгновенье назад меня несла горная река к неминуемой гибели.

Интересно, может, я всё-таки погибла? Утонула, падая с водопада? Возможно, это рай?

— Ну ты как выдумаешь что-нибудь! — услышала я чей-то смех.

— Рай? Где ты видишь рай? И как он, по-твоему, выглядит? Мне очень интересно, как выглядит рай. Ни разу его не видел. Луна, а ты, видимо, знаешь, как он выглядит, раз готова предположить, что это он.

Я насупилась. Снова этот бестолковый голос в голове. Да ещё и вздумал издеваться надо мной.

— Хватит! — воскликнула я. — И так всё понятно.

Я открыла сумку и стала перебирать содержимое: крем для загара, бутылка с водой, накидка и сандалии.

«Не густо», — подумала я. А где кошелёк, кредитка, телефон?

Я оделась, натянула сандалии, сложила покрывало. Покрывало как раз подходило под размер сумки.

Осталось понять, куда идти?

Конечно же, на причал. Я уже просыпалась на пляже, поэтому, недолго думая, я также отправилась на причал.

Через пару километров я увидела его. Ещё через десять минут я стояла на самом краю причала.

Ко мне приближался небольшой прогулочный катер. Кто-то махал рукой.

Так как кроме меня здесь больше никого не было, я предположила, что приветствие адресовано мне.

Ко мне навстречу бежала девушка. Она спустилась с корабля с лучезарной улыбкой, помахала мне рукой и быстро приблизилась.

— Луна, ну что ты как не родная? Не выспалась, что ли?

Я улыбнулась, и мы обнялись.

Девушка взяла меня за руку и увлекла за собой на катер.

— Луна, ты сегодня какая-то странная. С тобой всё в порядке? Мы можем отменить прогулку? Это не так важно, как твоё самочувствие.

— Я просто не выспалась! — поспешила я успокоить свою спутницу.

Вскоре берег исчез из поля зрения. Вокруг был только горизонт, море и небо.

Я села на край катера и свесила ноги. Девушка села рядом.

Мы болтали ногами и наслаждались красотой вокруг. Морской воздух, ветерок и водная гладь успокаивали ум и дарили состояние свободы.

Сзади послышался голос.

— Луна, ты про меня забыла? Почему не здороваешься? — Я узнала этот голос, и моё сердце забилось сильнее. Конечно же, я себе ни за что не признаюсь, что меня так волнует обладатель этого бархатистого мужского голоса.

— Здравствуй, Даня, — ответила я, не оборачиваясь, продолжая наслаждаться морской свежестью.

— Миа, а ты почему идёшь у неё на поводу? Уселись на самый край. А если вы вылетите за борт? Никто и не заметит. Где ваше благоразумие? Ладно Луна, вечно витает в облаках. Ты же серьёзная девушка.

Миа развернулась к Дане и с нежной улыбкой сказала:

— Ты просто сядь рядом и сам всё поймёшь.

Даня подчинился. Он сел рядом с Миа, с другой стороны от меня. Он явно злился и всячески хотел это продемонстрировать.

Я продолжала наслаждаться этим мгновением.

Даня поначалу что-то бурчал себе под нос, затем притих.

Мы сидели молча. Даня, я и Миа. Каждый ловил собственный момент.

Я закрыла глаза и понеслась дальше.

Мне было грустно расставаться с таким легким и непри-

нуждённым мгновением. Но внутри что-то звало меня вперёд.

Ощущение сравнимо с моментом засыпания. Я вроде ещё здесь и уже где-то там, далеко.

Мне так не хотелось открывать глаза. Ещё пару минут я наслаждалась пережитыми новыми чувствами.

Затем открыла глаза.

Я сижу в кабинете, надо мной склонился мужчина. Точнее, я лежу в кресле с открытым ртом. Я вспомнила похожий момент у стоматолога.

Мужчина очень нежно и заботливо отвлекал меня во время работы: рассказывал весёлые истории одну за другой, не давая мне испугаться.

Затем с лучезарной улыбкой доложил, что закончил. Пожелав мне как можно реже с ним встречаться, проводил до двери. В коридоре меня ждала Василиса.

— Луна, как ты себя чувствуешь?

— Прекрасно, — ответила я с улыбкой.

— Твоя улыбка говорит сама за себя, — радостно заметила Василиса.

Мы рассмеялись и пошли к машине.

По дороге мы непринужденно беседовали. Василиса рассказывала курьезы из детства Данила.

Мы остановились около набережной.

Василиса предложила прогуляться.

Я с радостью согласилась.

Мы ели мороженое и наслаждались прогулкой, слушали уличных музыкантов.

На мгновение мне показалось, что именно так должен выглядеть рай.

Кто-то крикнул мне прямо в левое ухо:

— Луна, поздравляю! Ты нашла свой рай. И, как ты могла заметить, он был совсем рядом с тобой.

— Снова ты, — с улыбкой прошептала я.

Голос добавил: — Я всегда рядом и всегда в нужный момент.

— Луна, как тебе твой рай? Не разочарована?

— Что ты! Я в восторге. На мой взгляд, именно таким и должен быть рай: в меру сладкий, в меру горький и кислый. Сбалансированный вкус.

Голос говорил уже во второе ухо: — Ты огромная молодец. Нашла любовь в простой жизни. Это сложный путь, но и результаты потрясающие. Луна, теперь ты можешь сама выбирать, что чувствовать и в какой момент. Ты можешь сама писать книгу собственной жизни.

Пока голос говорил, мы с Василисой подошли к машине.

Подруга открыла свою дверь и сказала: — Луна, тебе пора возвращаться домой. Твои друзья в опасности, и их время на исходе.

На последних словах меня пронзила боль в области лопаток. Спину скрючило. Я упала на колени. Голова раскалывалась надвое. Ощущение, будто кто-то варит суп из моих

мозгов.

Я потеряла ориентиры. Пропало восприятие. Кто я? Где я? Для чего я?

Одна сплошная боль. Тело больше я не чувствовала и не видела. Оно просто перестало существовать. Только боль: беспощадная, всепоглощающая боль.

Через время интенсивность снизилась. Боль начала отступать. Медленно я стала приходить в себя. Сначала появилось ощущение пальцев ног и рук. Я чувствовала, как шевелю ими.

Затем зашевелились губы.

Я наконец-то увидела свое тело.

Скрюченная, на коленях, я сидела на мокрой земле.

«Что это было?» — спросила я сама себя.

Ответа я не ждала. Обычный разговор с собой в стрессовой ситуации.

Я поднялась. Осмотрелась.

Я стояла ровно в том же месте, где меня оставила Василиса.

На коленях кровь. Видимо, упав, я поранилась.

«И что дальше?» — спросила я по привычке саму себя.

Я снова услышала голос: — Иди вперёд!

— Куда вперёд? — удивлённо спросила я. — К чему применим этот «вперёд»? И что за боль, пережитая пару минут назад?

Растерянная, я стояла, не понимая, куда мне идти. Затем

вспомнила, как уже выбирала дорогу. В итоге решила больше ничего не выбирать, а просто следовать за самой первой мыслью, не слушая больше ничего.

Я шла вперёд по дороге, в ту сторону, куда умчала Василиса на своем авто.

Снова настроилась на волну радости и ощутила невероятный прилив сил.

По пути я несколько раз поворачивала направо и налево, следуя за первой мыслью.

Я вышла за город. Впереди огромное поле, усеянное разнообразными цветами. Аромат и буйство красок так и манили меня полежать на этом прекрасном лугу.

Я прошла в самый центр поля и легла на спину.

Считая облака, я расслаблялась. Мне показалось, что я могу различить все ароматы.

Закрыв глаза, я принялась вдыхать и угадывать автора очередного дивного запаха.

Ромашка, василёк, подорожник.

Откуда я знаю, как пахнет василёк? — мысленно спросила я себя. У подорожника разве есть свой аромат? Откуда я всё это знаю?

— Луна, ты всегда знала, просто в какой-то момент забыла, — шептал голос в моё левое ухо. — А сейчас вспоминаешь.

— А, это снова ты, — с улыбкой ответила я.

Не открывая глаз, я улавливала ароматы, звуки и настрое-

ние целого поля. Я начала чувствовать настроение всего луга.

Невероятно: луг со мной разговаривал. И я это почувствовала.

Луг приветствовал меня и был рад мне. Ему важно нести красоту в этот мир. И я, получив удовольствие от лежания на лугу, доставила невероятное удовольствие лугу.

Луг поинтересовался: достаточен ли для меня аромат и разнообразие цветов?

Для меня всё было идеально.

Когда луг замолчал, я погрузилась в сладкий сон.

Проснулась я на том же месте, под лунным светом в окружении звёзд.

Луг сладко спал, как и я. Аромат одной ночной фиалки разносился лёгким ветерком по окрестностям.

Я встала. Поблагодарила фиалку за аромат и пошла дальше вглубь поля.

Всё изменилось. Третий раз я просыпаюсь в том же месте. Я изменилась. Страх сменился радостью, злость сменилась тишиной. Я больше не бегу не пойми куда, лишь бы бежать. Я стою на месте и рассматриваю жизнь, учусь видеть красоту в простоте.

Больше нет целей. Нет задач. Нет страхов и сомнений.

Какой смысл сомневаться, если ответ будет только один?

Сомнения — это неочевидная ловушка ума.

Сколько раз я сомневалась, выбирая себе ужин, обед или

завтрак, каждый раз спотыкаясь о предыдущий опыт. Ум говорит в момент выбора: «Прошлый раз ты взяла пасту, а она оказалась суховата, надо было брать ризотто. На этот раз не ошибись, или снова будешь себя ругать за неправильный выбор».

И так каждый раз. Ум подтягивает армию сомнений, чтобы я испытала чувство вины.

А самое удивительное: я безмолвно подчиняюсь и верю всему, что ум говорит.

А по факту пасту я съела, поняла, что суховато. А ризотто я ведь даже не попробовала. И как ум определил, что ризотто лучше пасты? Он всего лишь предположил. Тогда в ответ я могу справедливо предположить, что ризотто мог быть менее вкусным, и мой выбор пасты оказался лучшим решением. Моя паста сразу перестаёт быть сухой и становится лучшим выбором. Ум вынужден отступить и забрать свою армию сомнений и чувство вины.

Я поняла, что слепая вера всему, без критического мышления, делает меня управляемой и внушаемой.

Я так больше жить не хочу. Пора взять всё в свои руки.

Мои размышления привели меня к реке. Передо мной стояла лодка. Я разулась и залезла в лодку со словами: «Какова вероятность ночью выйти на берег реки и увидеть перед собой лодку?»

Лодка точно ждёт меня.

Со спокойной совестью я взяла вёсла и начала грести.

Мой первый опыт плавания на лодке. Необычно. Ночью, на реке, в одиночку и вдалеке от берега. Как же тут тихо.

Вода успокаивает. Я почувствовала воду. Её мощь и одновременно спокойствие.

Вода снаружи, вода внутри. На первый взгляд ничего особенного. А если взглянуть чуть глубже? В человеке большое количество воды. Я каждый день пью воду. Сейчас я в лодке, на середине реки, в окружении воды. Получается, я на воде, и во мне вода.

Вода есть во всём: во мне, в тебе, в растениях, в земле, в воздухе, в небе. Без воды нет жизни. Без воды нет меня.

«Какие странные мысли», — подумала я и легла на дно лодки.

На этот раз я считала звёзды, покачиваясь на воде. Я снова уснула.

Проснулась я от яркого света. Был полдень. Солнце ярко светило мне прямо в лицо.

Я поднялась и посмотрела в сторону берега. Мне показалось, что я увидела крышу дома. Любопытство взяло верх, и я уже гребла к берегу. Сойдя с лодки, я узнала засохшее дерево и сам берег. Это то же место, где мы были с Семёном. Я действительно видела крышу. Это же дом капитана.

Я радостно бежала в сторону густой изгороди. Мне было очень интересно, что же будет дальше.

С большим трудом пролезла в просвет между зарослями. Я всё-таки подросла с прошлых воспоминаний.

Я поднялась на ступеньки и постучала в дверь.

С другой стороны послышались шаги. Открылась дверь.

На пороге стоял знакомый мне отставной капитан.

Он расплылся в улыбке: — Луна, как я рад тебя видеть снова!

Я смущённо улыбнулась, и мы обнялись.

Для меня было странно, что он меня узнал. В прошлый раз мне было восемь лет, а сейчас я взрослая девушка.

Мы расположились в креслах на заднем дворе. Я и не подозревала, что в этом доме есть задний двор.

Капитан заварил чай и накрыл на стол. Клубничное варенье и оладьи.

И в конце заговорщически добавил: — У нас сегодня праздник.

Я словно окунулась в далёкое детство. Те же восемь лет, но совершенно разные воспоминания.

Откуда капитан знает про клубничное варенье? И оладьи. В то утро мама приготовила именно оладьи, только варенье было с запахом клопов, а не клубничное.

Сегодня всё идеально. Вот он — праздник без повода. Клубничное варенье с оладьями в душевной компании.

Капитан смотрел на меня загадочным взглядом. Он явно знал намного больше, чем я думала.

Мы пили чай и разговаривали.

«Как же давно я не ела клубничное варенье», — сказала я вслух.

— Но почему? — спросил капитан. — Что тебе мешало? Ты выросла и сама могла организовать себе такое чаепитие.

А ведь капитан прав. Что мне мешало?

«Я забыла, как любила клубничное варенье», — с лёгкой грустью ответила я на вопрос.

Мы ещё немного посидели и отправились к реке. По дороге капитан показал, где находится вход во двор, чтобы я больше не царапала руки, пробираясь сквозь заросли.

На берегу я узнала, что эта лодка — капитана. Пару дней назад она пропала, а сегодня вернулась домой таким чудесным образом.

«Это я на ней приехала», — объяснила я капитану чудесное воскрешение пропажи.

Капитан задумался, затем добавил:

— Наши пути пересекаются, и одни события предшествуют другим. Там, где нам думается, что мы потеряли, оказывается, нашли нечто новое. Получается, моя потеря — наша находка. И это вовсе не потеря, а череда на первый взгляд не связанных событий. Но это далеко не так.

Когда я не обнаружил своей лодки на месте, то расстроился. Затем понял, что моя грусть ничего не изменит, и предпочёл не думать о лодке.

А ты, Луна, увидев лодку, решила, что это знак и она там для тебя. Воспользовалась возможностью и, сама того не понимая, вернула мне лодку.

В награду ты первый раз в жизни прокатилась на лодке и

насладилась клубничным чаепитием.

Капитан явно видел намного больше и глубже, чем говорил. Но мне было достаточно его слов. Вопросов я не задавала, а слушала молча, пока мы плыли обратно в ту сторону, где я нашла лодку.

Мы попрощались, и я отправилась дальше.

Сейчас я чувствовала себя счастливой. Клубничное чаепитие... как же было душевно. Простое действие, а сколько чувств и эмоций!

Я столько лет живу сама и ни разу не вспомнила про клубничное варенье. Ни разу не устроила себе чаепитие. В моей голове были только цифры и планы. Вся жизнь расписана по минутам, и там не было места клубничному чаепитию. Наверняка есть ещё что-то ценное в моём детстве, что я позабыла.

Я вышла на трассу и пошла вперёд, не имея понятия, куда идёт дорога.

Передо мной остановилась машина. Это была знакомая «Нива».

За рулём сидел Миша. «Странно, — подумала я. — Машина Данила, а за рулём Миша».

Миша вышел из машины и подошёл ко мне.

— Луна, ты почему идёшь пешком? Позвонила бы, и мы бы встретили тебя.

— Мне хотелось прогуляться, — ответила я.

Миша открыл дверь, приглашая меня ехать с ним.

Примерно полчаса заняла дорога.

«Далековато», — подумала я и улыбнулась.

Миша открыл ворота, и мы заехали во двор. Дом на краю деревни. Я узнала дом Василисы.

Кроме нас в доме никого не было.

Миша объяснил, что все разъехались по делам. Даня уехал с отцом и оставил «Ниву» другу.

Новая я не задавала вопросов. Я больше не бегу и не ищу ответы. Теперь ответы сами находят меня.

Поэтому я решила просто подождать и посмотреть, что будет дальше.

Миша ехал с рынка. Шла подготовка к празднику.

«Судя по количеству продуктов, праздник намечался грандиозный», — подумала я про себя. Весь багажник был забит продуктами и напитками.

Миша заносил пакеты, а я разбирала их.

Когда мы закончили, поняли, что устали и проголодались.

Миша сказал, что сам приготовит ужин, а меня отправил отдыхать. Я с радостью согласилась.

На весь дом стоял дивный аромат тушёнки. Я вспомнила тот вечер, когда Даня готовил макарошки по-флотски.

Миша накрыл на стол. Я села и чуть не рассмеялась. Всё было точно так же, как в ту ночь с Даней: макароны по-флотски и банка солёных огурцов.

После ужина мы долго разговаривали, пока нас не начало клонить в сон. Мы отправились спать.

Стук в окно разбудил нас. Миша подошёл к окну и отодвинул штору. «Это тётя Нюра», — сообщил он мне и пошёл открывать дверь.

Соседка зашла в дом, поздоровалась и очень долго извинялась за то, что побеспокоила нас посреди ночи.

Она объяснила причину. Её кот пропал пару дней назад, и она очень переживала за него.

А сегодня ночью ей приснился сон, в котором кот сидит в нашем подвале и зовёт свою хозяйку.

Миша уже лез в погреб. Он долго звал кота, но безрезультатно.

Я вспомнила про тайный ход и подумала, что кот мог быть в нём. Но нужно было проверить, плод ли это моего воображения или ход действительно существует.

Я залезла в подпол и стала ногой разгребать землю.

Люк — он существовал на самом деле. Миша был удивлён, увидев люк.

Миша помог мне открыть люк, и мы спустились вниз, заранее взяв фонарик и предупредив тётю Нюру.

Мы спустились и вошли в тоннель. Кота нигде не было видно. Мы долго шли и вышли к реке. Обратно возвращались по обычной дороге.

Открыв дверь в дом, мы увидели радостную тётю Нюру с котом на руках. Оказалось, кот всё это время был у нас в доме. Когда в доме осталась одна тётя Нюра и стала сама с собой разговаривать, кот выбрался из-под кровати. Видимо,

услышал родной голос и вылез из укрытия.

Тётя Нюра вернулась домой, а мы попытались уснуть. До рассвета было ещё далеко.

Но не тут-то было. Миша не мог поверить в тайный проход. Я — скорее всего, просто от переизбытка чувств.

Провалявшись целый час, переворачиваясь на скрипучих кроватях, мы всё-таки встали. Выпили чай и полезли в подпол. Нами двигало любопытство.

Я увидела, что не одна я такая любопытная. Миша тоже поддался порыву.

Вооружившись фонариками, мы принялись изучать подвал.

Ничего примечательного.

Несколько десятков банок закатки, и больше ничего.

«Неужели Василиса до сих пор готовит закатки? Удивительно», — сказала я вслух и посмотрела на брата.

«А что такого?» — спросил Миша. — «Да и с чего ты взяла, что закатки свежие?»

Я улыбнулась: «Крышки не заржавели», — ответила я.

Миша решил проверить мою теорию и снял верхний ряд банок, чтобы посмотреть на крышки в нижнем ряду. Все крышки выглядели, словно их вчера купили в магазине.

Брат достал банку из нижнего ряда, изучая крышку, он заметил надпись, заметную только при угловом освещении.

«Луна, тут что-то есть. Направь фонарик на крышку под углом, чтобы падала тень».

На крышке появилась еле заметная надпись:

«Любопытство — не порок. Что с ним делать — невдомёк».

Миша уже держал в руках очередную банку. На всех банках была одна и та же надпись.

Я понимала, что мы с Мишей участвуем в чьей-то игре. Но любопытство побеждало здравый смысл.

Мы снова шли по тоннелю. Медленно, рассматривая всё на своём пути. Мы снова вышли наружу около реки. Ничего не найдя, расстроились. Но наше любопытство придавало сил на дальнейшие необдуманные действия.

Обратно мы решили возвращаться тем же путём, по тоннелю.

Но зайти внутрь у нас не получилось. Невидимая преграда не пропускала внутрь.

«Вот так новости!» — воскликнул раздражённый брат.

Он начал злиться, затем ругаться. Постепенно он начал превращаться в существо, мало похожее на моего брата.

У него выросли уши, затем пальцы, появились когти и шерсть. Глаза стали жёлтыми, и разрез глаз поменялся.

Брат стал похож на оборотня с глазами ящерицы.

«Ну и ну», — подумала я, совершенно не пугаясь происходящего.

Во мне не было страха, не было злости.

Я наблюдала за Мишей и ждала: что же будет дальше?

Брат начал колотить невидимую дверь. Чем больше он её

колотил, тем сильнее злился и менял форму, превращаясь в разных существ.

Затем он сел и заплакал, как ребёнок.

Огромное чудовище сидело и плакало.

Я хотела подойти к нему поближе, но не смогла сдвинуться с места. Я как будто заморозилась. Чувств нет. Сострадания нет. Тело обездвижено. Сердце молчит.

«Значит, ему придётся справляться самому», — подумала я, не в силах разжать губы, чтобы заговорить вслух.

«Луна, ты в силах помочь брату», — услышала я голос в левом ухе.

«Снова ты», — подумала я.

Голос ответил: «Бесспорно, я».

«Не трать силы на меня, почувствуй сердцем. Что хочет оно? Спроси у себя».

Я слышала только плач брата. Как бы я ни пыталась почувствовать, у меня ничего не получалось. Я сильно отвлекалась на брата, переживая за него.

«Луна, тебе кажется, что, переживая, ты поддерживаешь брата. А на деле всё наоборот. Ты ему мешаешь. Твои переживания усиливают его состояние».

«И что мне делать?» — растерянно спросила я.

Голос ответил заботливым тоном: «Просто поверь в него. Доверься ему, и он сам всё сделает. Ему не нужна помощь. Он сам всё может. Твоему брату нужна сила, а сила спрятана в вере и поддержке».

«Когда ты его поддерживаешь верой, он чувствует силу и начинает действовать сам. А когда ты за него переживаешь, значит, не веришь в него, и, соответственно, он теряет силу и способность к действию».

Я поразилась такому точному и простому объяснению. Всё сказанное откликалось в моём сердце.

Я чувствовала жар в области груди.

Закрыв глаза, я начала замедлять дыхание и расслабляться. Постепенно жар утих. Тело успокоилось. Тревога ушла, а с ней и боязнь за брата.

Ум мелкими набегами проводил диверсию, атаковал, как только я меняла состояние. Он отвлекал меня, как только мог. И у него это получалось.

Я никак не могла дойти до состояния веры в брата. Но почему? Может, дело не в уме? А я действительно не верю в брата? Возможно, я не верю в отца, в мать, в Даню?

Я опустилась на колени. Понимание, что я ни в кого не верю, забрало у меня все силы.

Но как? Как это возможно? Я считала совершенно иначе.

Я верила всем и во всех?

Нет, Луна! Не лги себе.

Вспомни, ты всё всегда пыталась делать сама. О чём это говорит?

Я сидела с широко открытыми глазами, не в силах поверить. Это знание оказалось тяжелым для меня.

Миша перестал существовать. Я погрузилась в собствен-

ную травму.

Голос тихо прошептал: «Луна, взгляни на брата». Я не могла пошевелиться. Тело стало каменным. Глаза не шевелились, шея не двигалась.

— Я не могу, — мысленно ответила я.

— Конечно, не можешь, — ответил голос. — Ты же не веришь никому, а соответственно, и себе. Пока ты не веришь, отсюда и не можешь.

— Так что сидеть тебе на коленях до скончания веков, моя дорогая, — добавил голос.

Я не верю в себя. Я не верю в других.

Я повторяла снова и снова одни и те же слова.

Ум в это время подливал масло в огонь, пока я не взорвалась. На меня накатила лютая злость. Я так разозлилась на себя и на ум.

Выкрикнула со всей силой: «Хватит! Заткнись! Не хочу больше слушать тебя и твои сказки! Ты уволен! Теперь главная я!»

Ум попытался накинуть пару мыслей про мою никчёмность и несостоятельность.

Я снова грубо осекла его и переключила внимание на ощущения в теле.

Моё сердце бешено колотилось.

Никогда раньше я не чувствовала так отчётливо собственное сердцебиение.

Я встала и посмотрела на Мишу, точнее, на непонятное

существо, в которое превратился мой брат. Он продолжал плакать.

Я обошла его несколько раз. Затем села рядом и закрыла глаза.

Вера, где же ты? Куда я тебя спрятала? Это был диалог с собственным телом.

Точнее, монолог.

Я понимала, что просто сказать: «Я верю в тебя», — не поможет. Мне нужно это почувствовать всем телом, а для этого необходимо найти свою веру.

Как мне поверить в себя? Это невозможно сделать за один миг. Уйдут целые годы подготовки, пока я начну в себя верить.

Меня одолел нервный смех. Я почувствовала всю абсурдность ситуации.

— Нет, это невозможно! — выкрикнула я и пододвинулась к Мише.

— Миша, ты слышишь меня? — осторожно спросила я.

Монстр приподнял голову и посмотрел на меня. Всего на пару секунд. А затем вернулся к собственным страданиям.

Голос снова шептал мне на ухо: «Луна, не упускай возможность. Ты можешь всё, только не веришь».

— Скажи то, чего я о себе не знаю, — с раздражением выпалила я вслух.

Миша вздрогнул и глянул на меня. Он смотрел мне прямо в глаза, не отрываясь.

За собственным раздражением я не заметила, как брат вернулся в собственное обличие.

Меня трясло от злости и раздражения. Я злилась на себя. На голос с его бесполезными заумными советами, от которых не было никакого толка. Я злилась на весь мир за несправедливость и тяжесть жизни.

Миша сел рядом.

— Луна, теперь ты похожа на монстра, как я ещё пару минут назад.

Я не верила ему. Мне казалось, что он говорит вздор и не видит дальше своего носа. Мне казалось, что брат считает меня бестолковой и тупой и единственный способ доказать ему обратное — это предоставить как можно больше доказательств собственного превосходства.

Меня начало тошнить. К горлу подкатил ком. Я не могла ни дышать, ни глотать. Моё горло сдавил спазм. Я задыхалась.

Миша взял меня за руку и просто сидел со мной рядом. Он ничего не делал. Никаких попыток спасти меня.

Я упала на пол от недостатка кислорода и продолжила медленно умирать.

Миша смотрел на меня любящими глазами, не отпуская мою руку. В его глазах читалась уверенность и любовь. Ни грамма страха — только вера. Это была та самая вера в меня.

Мой брат в меня верил?! Я забыла про то, что не могу дышать. Забыла, что умираю. Я думала только о том, что мой

брат верит в меня. И самое поразительное, он не бросился меня спасать, а просто взял за руку, веря, что я справлюсь. Он знал, что я преодолею все свои страхи. Мой брат знал то, чего не знала я. Он верил в то, во что не верила я.

Я вспомнила детство. Воспоминания лились рекой.

Миша всегда держал меня за руку.

Он всегда смотрел на меня с любовью. Но почему я это забыла? Почему мне нечего было вспомнить из детства, когда это было так необходимо?

Я вспомнила, как научилась ездить на велосипеде — это Миша меня научил.

Я вспомнила коньки, лыжи.

О, боже! Леденцы. Это Миша помог мне первый раз во дворе продавать леденцы.

Миша всегда был рядом и помогал мне. Он вёл меня за руку через все мои страхи. Мой брат провёл меня через мой детский страх, а я всё забыла. Как же так получилось?

Я не заметила, как очутилась на груди у брата. Я плакала навзрыд, измазав соплями всю его футболку. Он молча сидел и придерживал меня, чтобы я не упала.

Когда я пришла в себя, оказалось, что я лежу на земле. Вокруг никого. Ни брата, ни туннеля.

Я чувствовала землю, но ничего не видела вокруг в кромешной темноте. Дикая усталость и холод. Леденящий холод, до самых костей.

Я так давно не ощущала холод. Совсем позабыла, какой

он. Что происходит? Откуда он взялся именно сейчас и почему я про него совсем позабыла?

Я понимала, что со мной происходит что-то очень важное, но мне не давали покоя мысли о холоде. Он завладел полностью моим вниманием.

Голос снова шепнул в ухо: «Луна, тебе это только кажется».

Я сразу поняла, о чём он. Но я физически испытывала дикий холод. И мысль, что мне только кажется, выглядела абсурдной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.